

ЭДУАРД ОВЕЧКИН АКУЛЫ ИЗ СТАЛИ

18+

НОЯБРЬ

The book cover features a dark, textured background with a blue and grey color palette. In the center, a large, ethereal profile of a woman's face is depicted, her features appearing to be formed from or emerging from a mass of white, billowing clouds. Below this face, a dark silhouette of a three-masted sailing ship is visible, with a small figure of a person on the deck. The overall composition is layered and atmospheric, suggesting a narrative of historical or fantastical nature. The text is prominently displayed in white and red.

Эдуард Анатольевич Овечкин

Акулы из стали. Ноябрь

Серия «Легенда русского Интернета»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55472682
Акулы из стали. Ноябрь: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-121747-1

Аннотация

Проза Эдуарда Овечкина, одного из немногих успешных писателей-маринистов постсоветского пространства, обязательна к прочтению всем, в ком жив интерес к русской литературе. Она про нас сегодняшних, флотских и штатских, способных, как доказывает Овечкин, жить «дружным экипажем». Она сделана мастерски, читается влет, с неудержимым смехом и слезами сердца. Она насквозь позитивна, что по нынешним временам тоже редкость. И, наконец, от книги к книге она становится лучше. Сборник, который у вас в руках, его одиннадцать рассказов и повесть – тому подтверждение.

Содержание

Рассказы	5
Шинель	6
В тумане	14
Гроза	38
Колодец	55
Дело было не в бобине	78
В чужом порту	99
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Эдуард Овечкин

Акулы из стали. Ноябрь

© Э. Овечкин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Рассказы

Шинель

– Знаешь, вот не надо вот этого вот, не начинай даже! Сам завел этот разговор, так теперь будь уж так добр! А то что ты, как баба, да простят меня бабы, сливаешься?! Я тебя не трогал: шел себе и шел... куда-то... А ты, раз прицепился ко мне, так имей уже терпение и дослушать. А иначе зачем тогда было спрашивать? Не, ну зачем, ответь? Из вежливости? А выходит теперь, что хамство какое-то, да. На чем я там остановился, не напомним? А, точно! На несправедливости. Я же не потому, что просто копытами искры секу, я же по делу! Понимаешь? Я же не случайный на флоте человек! Я карьеру инженера на заводе, как его там, не помню, который выпускает эти... которые по рельсам еще, ну... а, – вагоны же, тьфу ты, – оттринул на корню ради флота! С батей, знаешь, спорили: иди, говорит, в техникум, я тебя к себе мастером и сразу на заочку, а потом на мое место пойдешь – и все, считай, жизнь в кармане у тебя! А я же с детства, с детства самого – вот таким вот еще был, сопли рукавами вытирал, а уже чувствовал, что не мое это, – ну не мое, и все тут! Романтики хотелось, вот этого вот всего: черного с золотым, белых перчаток, брызг соленых, ветров, женщин! Не, ну женщин не с самого детства хотелось, а потом уже... Короче, ты меня понимаешь. Да, согласен – надо было в минеры идти, а не в электрики, тут я промахнулся мальчика. Брызги есть, но не те,

не те... Электrolит не в счет – кто же о брызгах электrolита мечтает, да? Ну так и я о чем! Но все равно, знаешь, надо же кому-то и это! Ну не могут же все быть минерами – сам посуди, приходишь на корабль, а там одни минеры! И что? И все: пьянство, разврат и картежные игры в избытке. А вот в море чтоб выйти, так это разве что под веслами. А тут мы – электрики! На нас же все и держится, чего тут, правильно? Чуть что – все к нам же! И я, знаешь, на хорошем счету был, карьере планировал уже, думал – инженером в автономку схожу и командиром группы сделаю... Ну ладно, вакансии нет, схожу еще в одну: тогда-то уж точно! А тут перед самой автономкой присылают этих двух лейтенантов: один пьяница, а второй – пьяница. И, блядь, после автономки начинаются подвижки, и одного, вот этого, который пьяница, назначают командиром группы вместо меня! Нет, ну где это видано? Ты возмущен? Вот и я тогда, знаешь, вспылал прямо. Как есть психанул, хоть на меня это совсем не похоже. Но прямо вот не выдержал. Рапорт даже написал, да. Разберитесь, мол, что это за кумовство такое, заместо справедливого распределения благ. И ответили мне знаешь что? Вот смеяться сейчас будешь, я тебе гарантирую: ты, говорят, на своем месте инженера больно уж хорош, а до командира надо бы тебе еще подрасти над собой, ведь у тебя то турбогенераторы падают, то срach в отсеке и сифилис в трюме. Нет, ты слышал, да – турбогенераторы падают! А у кого не падают?! Нет, ты мне скажи – у кого не падают? Нет, скажи! А я тебе сам скажу –

кто не поднимает, у того и не падают! Ну упал раз, ну так что, бля? Ладно, три раза. Случаются и такие случайности, да, ну так что теперь? Сифилис в трюме! Не ну ты слышал! А в седьмом трюм вы видели? Был ты в трюме седьмого у нас? Ну. Видел же, что там творится! Потом, конечно, успокоился я, взял себя в руки. Остыл. Отношения похолодели, само собой. Пришлось подогреть, и сейчас вот тоже, видишь, подогреваем, ну нормально уже все. Ладно, куда я тороплюсь, правильно? Подожду. Просто комбатом не делают из инженеров, конечно, а я и намного выше мечу. Нет, ну а что? Тринадцать морей омывают Россию – ты знал? А вот. И что – места мне там нигде не найдется? Найдется еще как! А в группманы хотелось, да. Оклад там побольше, но не принципиально, не то чтобы прямо совсем. Можно жену же на работу отправить, для наполнения семейного бюджета, а то чего она? Пусть из декретного только выйдет. Хотя она тоже начинает: давай может второго сразу? Да подожди, говорю, давай этого хоть в садик отдадим! Я-то детей люблю, да, особенно сам процесс, но на службе, бывает, умотаешься в ноль, домой приползешь, а тебе: «Сходи с Ванечкой погулять!» Блин, Лена, а ты что весь день делала, а? Ну убралась, ну наготовила, постирала и в магазин сходила, это понятно. А делала-то что, а? А тут двое. И оба маленькие. Это же... Не, говорю, давай пока того... предохраняться. Как мы их с тобой, двоих-то? Маленьких... да. Обиделась. Ну ладно, понятно, что ей еще делать – заняться-то нечем, вот сидит и

обижается. Не понимает. Никто почти меня не понимает... Ты вот только, да, хоть вот поговорю тут. Выговорюсь. Легче глядишь и станет. А и нет, так и что с того – что нам, привыкать, правильно? Что мы, легких путей когда искали? Ты-то искал небось, признавайся? Да ладно, чего там, говори уж как есть – я же тебе видишь как на духу все выкладываю. А я-то вот – нет. Где трудно – там и я. Сразу и без предварительных ласк. Надо концы тягать? Говно вопрос! Солярку грузить – вообще, что чаю стакан хлопнуть! И ездят все, понимаешь? Пользуются. Ну пусть, что мне, зато уважают! Не, ну что ты головой машешь – точно тебе говорю: уважают! А карьера что – карьера подождет, куда мне спешить? Я еще бурки за икону не скоро собираюсь закидывать: мне цыганка нагадала девяносто шесть лет и даже денег не взяла, так что, выходит, от души и подожду, ладно, не скисну... И второго рожу и третьего, глядишь. А там как пойдет! У Антонины вон четверо, а посмотри на него: цветет и пахнет, да? Ну так и я о чем. А может и правда – второго? Не знаю, не знаю, ты вот меня не уговаривай – вам со стороны чего? А это ответственность же! И на меня в основном... Тут думать надо. Хотя вот Ванечка, знаешь, когда ручками вот так вот делает и улыбаается, так прямо хорошо на душе становится – у тебя дети-то есть? Надо, чтоб были! Дети – это цветы, понимаешь, не помню кто из классиков сказал, но был прав. Все с ними по-другому, я тебе говорю! И котлеты вкуснее, и жена... Блин, день рождения же у нее скоро, это же надо по-

дарок какой придумать, а что тут придумаешь – «Военторг» и «Хозтовары». В прошлом году сковородку ей подарил – хорошую, дорогую. Обиделась, хотя старалась виду не показывать, но я-то вижу... Не первый день, знаешь. Нет, ну а что ей – мотоцикл подарить? Да сдался он ей – она и водить-то не умеет... Да и я не умею. Ну и на кой нам тогда этот мотоцикл? И что вот? Ей-то хорошо – пену для бритья в пакетик завернула, и вот тебе, Васечка, от всей души. Слушай, а может тоже шампунь ей какой купить или тушь? А ты в тушах не разбираешься? Нет? Ну и я ни в зуб ногой... Надо будет посоветоваться с кем. А мысль-то хорошую ты мне подсказал! Не зря говорят, что две головы лучше, чем одна! А ты сам-то где служишь? Что-то я у нас в дивизии не видел тебя... В одиннадцатой, что ли?

– Вася, – из кухни выглянул механик, – а где наши сигареты?

– Сигареты?

– Ну да.

– Какие, простите, сигареты?

– Те самые, за которыми мы тебя и послали, сигареты.

Наши, я же сказал.

– Так а я не курю ведь!

– Так поэтому тебя и послали, что не куришь. Ну и?

– Ну... и?..

– Ну и где они?

– Кто они? А! Вы про сигареты?

– Угу. Нам на подъем флага выходить уже скоро, а уши-то пухнут.

– Да я тут, того... – Вася повернулся к вешалке и заморгал. – Ну... как бы это сказать...

– С шинелью моей сорок пять минут разговариваешь. Так это как бы и сказать, Вася. Я уже даже начал было ревновать оттого, как ты ее за пуговицы трогаешь, но потом думаю – ладно, что мы из-за шинели какой-то будем тут, да?

– Э... да... как... с шинелью...

– Да я никому не скажу, не ссы. Хотя кого я обманываю. Все и так видели... – механик кивнул в сторону кухни. – По очереди выглядывали. Хафизыч, говорят, ты смотри, а то уболтает сейчас ее, шинелку твою, будешь потом локти кушать, как уведет.

– Уффф... надо же...

– Да, Вася, алкоголь пить – это тебе не в космос летать. Тут осторожность нужна. Так сходишь?

– Да, схожу сейчас. А куда сходить-то?

– За сигаретами нам, Вася, все еще туда.

– А, ну да, точно! Я быстро! Цвайминутен!

– Ага, ага. Ты только это... Не разговаривай ни с кем по дороге, я тебя как старший товарищ прошу. И ни с чем тоже.

– Да я уж того... наговорился. Я мигом! – крикнул Вася уже с лестницы.

А механик вернулся к нам на кухню и спросил:

– Ну так что: продолжим терпеть или еще кого пошлем?

– А Вася?

– А Вася, поверьте моему опыту, сегодня уже не вернется.

В тумане

Зябко. Туман такой густой, что не сразу понятно: то ли это подводная лодка плывет по морю, то ли аэростат летит по облаку. Спереди – ни зги, сзади – ни зги, по левому борту едва виден красный ходовой огонь, по правому зеленый – чуточку лучше, но кому они светят? Внизу моря будто и нет, хотя им пахнет, и оно там точно есть и даже иногда плещется по бортам, но звук не такой, как обычно, а глухой, посторонний. И где-то должна быть полная луна, и она наверняка где-то и есть, и можно даже показать пальцем в ту сторону, сверившись с картами. Показать можно, а вот увидеть – нет.

Старпом на мостике страдает. Он же не привык ждать милостей от природы, а тут природа возьми да и расставь все по местам: извините, мол, товарищи военморы, но у меня сегодня меланхолия, и сколько вы ни стреляйте в меня своими красными ракетами, а я буду хандрить. Спасибо за внимание. До свидания. Вот вам, кстати, еще белый туман.

На резине конденсируются капли, и от того резина кажется жирной – капли сидят на ней плотненько, пузатенькие такие, дрожащие. Прозрачные. И если тронуть их пальцем аккуратно, чтоб не раздавить, они тут же срываются вниз по покатоному борту рубки и весело исчезают в тумане, оставляя за собой пунктирные следы из махоньких таких капелек, сво-

их, видимо, детишек. Но в воздухе сыро, и долго с капельками не поиграешь. Вахта началась недавно, но все уже успели и вдоволь наговориться, и всласть намолчаться, и делать-то больше нечего, кроме как следить за курсом.

– Боцман, на румбе!

– Проходим двести семьдесят, ложимся на курс триста!

– Есть, боцман!

Скорость маленькая, и лодка слушается руля неохотно – поворачивается на новый курс долго, по сильно пологой дуге. Вверху висит огрызок флага, периодически просыпается и лениво хлопает, брызгаясь водой. Надо бы не забыть штурмана взбодрить по этому поводу: меньше половины уже осталось от синего креста – никакой солидности.

Вахтенный офицер тянется к рычагам «Тифона» и «Сирены».

– Ну-ка дай-ка я! – отодвигает его старпом.

Хоть вахтенный офицер и минер, с подачей сигналов он точно справился бы и самостоятельно, но старпому невольно рулить кораблем и не рулить им одновременно от невозможности и бесполезности этого занятия. Хоть бы врезался кто, и то веселее было бы!

Сначала два раза «Тифон»: басовито и низко так, что вибрируют пломбы и дрожат напуганные капли на стекле, а рулевой морщится и оборачивается в сторону мостика – ревет ведь у него над головой. Потом «Сирена», тоже дважды, но высоко, визгливо, будто захлебываясь в истерике, – рулевой снимает перчатки, хлопает себя по мокрым карманам тулупа и, отыскав сигареты, закуривает. Пару минут тишина. Все слушают, не отзовется ли кто. И на миг кажется, что отзывается. Старпом даже сдергивает шапку, чтоб лучше слышать.

– Да? – спрашивает он у минера.

– Нет. Эхо вроде.

– Да, вроде как оно. Один черт, не понять ни направления, ни дистанции. Ты там куришь снова?

– Нет, что вы, Сей Саныч!

– А дым откуда?

– Из ушей! Дудите там, как не в себя! Мозги лопнут уже скоро!

– Откуда у тебя мозги? Были бы мозги – пошел бы в военное училище, а не сидел бы рулевым всю жизнь!

– А рулевым тогда кто бы сидел?

– Тоже верно. Кроме тебя и некому, хоть ты и без мозгов.

Чаю будешь?

– Можно, да.

– Ну сбегай вниз и мне заодно сделай.

– И мне, – минер топает по коротенькому трапу сверху,

подменить рулевого. Лишние слова им не нужны – все и так знают кто, что и когда делает.

– На румбе двести девяносто, ложимся на триста. – Боцман знает, что минер это тоже знает, но порядок на то и порядок, чтоб все было в порядке.

– Есть двести девяносто на триста. Мостик на румбе двести девяносто, ложимся на триста!

– Есть, смену рулевого разрешаю!

Хоть за чаем сходить, хоть на абордаж сбегать, а все должно быть так, как должно быть, а иначе какой же это военно-морской флот? Разве что мотострелковое подразделение, набранное двадцать восьмого декабря из скрывавшихся ранее резервистов.

– БИП¹, мостику! – кричит старпом в переговорное устройство.

– Есть БИП! – Голос у БИПа ленивый, расслабленный в тепле и мерном жужжании центрального.

«Спит, сука!» – думает старпом.

– Обстановка?

– Горизонт чист!

– Спишь, сука?

– Никак нет, мостик!

– Смотри у меня! И если что там – сразу доклад! Немедленно! Как понял?

¹ БИП – боевой информационный пост.

– Есть доклад немедленно.

– Спит там, сука, представляешь? – кричит старпом минеру.

Минер встрепенулся: тоже задремал, – внизу так же холодно, как и на ходовом мостике, но хоть не так сыро и лампы вон светят, а от них кажется, что теплее. На румбе – триста пять градусов, проскочил курс, тихонечко руль влево – авось не заметят.

– Мостик, штурману!

– Есть штурман.

– Рекомендую задержаться на курсе триста!

– На румбе? – не понимает старпом, который как раз на этот курс и ложился.

– Триста три, – врет минер, – устаканиваю!

– Тоже там спишь, собака бешеная?

– Никак нет!

– «Никак нет», – дразнится старпом. – Есть штурман, задерживаемся на курсе триста! Дружок твой, рогатый, уснул на руле!

– Не друг он мне после того случая на Яграх!

– А сам виноват! – кричит минер. – На румбе триста!

– Есть триста! Штурман, смотри, на румбе триста!

– Подтверждаю. Есть триста.

– Штурман, мостику!

– Есть штурман.

– Так что там было, на Яграх-то?

– Так я вам три раза уже рассказывал!

– Да делать мне нечего, херню эту вашу помнить! Расскажи еще раз, язык у тебя отвалится?

– Все веселитесь тут, да? – На мостик поднимается командир с термосом, и от него пахнет теплом, и туман в недоумении клубится поодаль, боится подступить поближе, но недолго. – На, тебе боцман чай вот передал.

– На румбе триста, – докладывает старпом. – Видимость – ноль, слышимость – ноль, следуем в полигон по приборам. А сам-то где он?

– Боцман? Пописать побежал.

– И через вас чай передал?

– Ну видишь же. А минер где у тебя? Бежит впереди ко-

рабля с факелом?

– Рулит, тащ командир, боцман же... того.

– А, ну давай я ему чай отнесу. Где-то у меня в кармане второй стакан был.

Командир спускается к минеру, вручает ему стакан с чаем «за хорошую службу и чтоб не говорил потом, что я тебя не поощряю!». Присаживается рядом на откидное сиденье:

– А чего у тебя форточки закрыты?

Открывает форточку. В нее тут же лезет туман. И было ничего не видно, а стало ничего не видно и туман. Закрывает.

– Ну-ка дай-ка попробую, больно вкусно пьешь! Не, не могу такой пить – от сахара губы слипаются. Серега, а сколько нам до полигона пилить?

– Часа три так точно. Ускориться бы...

– Да куда ты тут ускоришься?

– Да я так, высказываю пожелания во Вселенную.

– Чем-то ты ей насолил, видать.

– Вселенной-то? А чем я ей только не солил! Сами же знаете.

– Ладно, я – вниз, если что, сразу зови! О, а дай подудеть хоть. Зря лез, что ли!

Командир поднимается на мостик.

– Взрослые люди, – бурчит минер, – хуи по колено, а все лишь бы подудеть куда.

– Чего говоришь? – не слышит его командир.

– Все правильно, говорю! Безопасность – она превыше всего!

И снова два басовитых низких и два визгливых высоких. И слушают, не отзовется ли кто. Нет – тишина.

– Может, вам бутербродов передать с боцманом? – кричит командир уже из люка.

– Да! – кричит минер.

– Нет! – кричит старпом. – Вы лучше нам боцмана с боцманом передайте!

Скоро выходит и боцман, поднимается на мостик: он передел тулуп и, только поднявшись наверх, чувствует себя еще довольно комфортно. Оглядывается. Туман вроде немного редет, и уже видно, где сзади кончается рубка (или он просто знает, где она кончается, и дорисовывает ее контуры в тумане сам), но носа и хвоста по-прежнему не видать.

– Думал, у вас тут хоть видимость получше.

– Ага. Мы же офицеры – у нас все получше, чем у вас, мичманов, да?

– Нет. А где мой термос-то? Пойду минеру бутерброд передам.

– А мне?

– Что?

– Бутерброд.

– А вам командир не передавал – только минеру. Плохо себя вели, да, Сей Саныч?

– Мостик, БИПу!

– Есть мостик!

– По пеленгу двести шестьдесят в дистанции одного кабельтова ничего не наблюдаете? Случайно?

– Он охуел? – спрашивает старпом у боцмана.

Боцман пожимает плечами.

– Ты охуел? – спрашивает старпом у спрашивающего БИПа. – Ну-ка сюда, быстро! Минера на мостик, мигом! – снова боцману.

Шутки кончаются, и об этом не надо никому объявлять – все понятно по интонации. Боцман скатывается вниз: «Триста – едем прямо, есть триста – едем прямо», и минер уже на мостике.

– Ракету на двести шестьдесят! – командует старпом.

Минер заряжает ракетницу и бахает в заданном направлении, но ракета тонет в тумане метрах в пятидесяти – какой уж тут кабельтов? Вахтенный БИПа выходит в РБ², тапочках и пилотке, и за это старпом начинает ненавидеть его еще больше.

– Видишь? – тычет старпом пальцем в пеленг двести шестьдесят. – Где твой кабельтов?

² РБ – костюм радиационной безопасности.

– Не вижу, – соглашается вахтенный БИП.

– А сколько видишь?

– Метров тридцать, может. Меньше даже.

– И я! И я вижу столько же! Сюда смотри!

Старпом показывает на свои глаза:

– Видишь? Обыкновенные человеческие глаза! Два! Как и у тебя, странно, да? И если они говорят, что видимость – ноль, значит она обычный такой ноль! И это ты, сука, должен мне говорить, что ты наблюдаешь в дистанции одного кабельтова, чтоб я мог принимать решения! Ты – потому что у тебя что?

– Омнибус?

– Пра-а-авильно, потому что у тебя – точный прибор. Да что там прибор – целая система, созданная гением советской инженерной мысли, а у меня всего лишь глаза! Так какого тогда хуя?

– Да там непонятно ничего. Вроде цель, вроде не цель. Хода нет, засветка, может... Вот я и...

– И что ты? Приказал мне туман развесть руками?

– Уточнил...

– Уточнил. Центральный, мостику!

– Есть центральный.

– Стоп обе. Командира БЧ-7 в центральный. Что ты тут стоишь? Иди на боевой пост и немедленно разбирайтесь там!

– Не стоит просить у вас разрешения перекурить?

– Даже не вздумай!

– Мостик, центральному! Застопорены обе турбины.

– Есть центральный! Минер, куда ты смотришь? Нет, блядь, двести шестьдесят на десять градусов левее! Рулевой, на румбе!

– На румбе триста, лодка медленно уходит вправо!

– Держать триста!

– Есть держать триста! – Нижний вертикальный руль (а работает сейчас только он) совсем маленький, и держать им курс без хода практически невозможно. Поэтому, выждав необходимую для приличия паузу, рулевой докладывает:

– Лодка руля не слушается, медленно уходит вправо!

– Центральный, мостику, правая вперед десять!

– Есть правая вперед десять, работает правая вперед десять!

– Рулевой, держать курс триста!

– Есть держать курс триста! На румбе – триста.

– Есть! Внимание на левый борт!

– Ого тут у вас! – Командиру БЧ-7 холоднее и от того еще, что он только что спал, уютно укутавшись одеялком. – Сей Саныч, вот, смотрите, – выкладывает планшет, – вот здесь вот что-то вроде как есть, но что – классифицировать не можем. Хода не имеет. Сблизимся минут через пять.

– Маленькое?

– Совсем.

– А на картах тут что?

– А на картах тут море.

– Умник. Что рекомендуешь?

– Тихонько красться. Справа тут банка, и вода сейчас малая – в теории можем пройти, но мало ли... А влево чтоб уйти, надо ход увеличивать, а ну как не успеем? Рекомендую остаться на данном курсе.

– Ладно, давай вниз, смотри там во все глаза. На румбе?

– На румбе – триста!

– Центральный, мостику! Что с турбинами?

– Левая застопорена, правая работает вперед десять.

– Стоп обе!

– Есть стоп обе. Застопорены обе.

– Оба САУ³ отвалить, развернуть лево девяносто и быть в готовности к немедленному пуску!

Больше сделать ничего и не сделаешь, а вроде как надо – крейсер же медленно ползет к чему-то неопознаваемому. И вот это состояние, когда все сделал, что мог, а надо бы больше, но нечего, – начинает нашептывать старпому в ухо всякое и заставляет его ходить по квадратному метру мостика из угла в угол и смотреть по пеленгу двести шестьдесят и проверять: туда ли смотрят минер и рулевой. И что, опять спросить, сколько на румбе? Ну чтоб вот просто не молчать.

– На румбе?

– Триста!

– Мостик, центральному! Отвалены оба САУ, оба САУ

³ САУ – система активного управления.

развернуты лево девяносто, готовы к немедленному пуску.

– Есть центральный (швартовые команды вызвать, что ли? А смысл?!). Боцманскую команду наверх!

– Есть боцманскую команду наверх.

Первым замечает минер.

– Вижу слева по борту что-то!

– Где?

– Вон, смотрите, чуть левее, видите контур? Видите, да вон же, ну!

– Да, вижу! – кричит снизу рулевой.

Он по пояс почти вылез в форточку, чтоб лучше разглядеть, что там. Но толком ничего не понять: просто в одном месте туман плотнее, чем в других, и он лепит из себя какой-то не то баркас, не то шаланду. Развернули в ту сторону прожектор – стало еще хуже. Убрали прожектор.

– Дай ракету!

– А кончились красные.

– Ты серьезно? Ну все тогда, отбой войне и стоп служить Отчизне! А зеленую дать тебе что, тонкое чувство прекрасного не позволяет?

– Ну... это... МППСС⁴ же...

– Дай зеленую ракету, немедленно! МППСС ему, гляди ты, а! Я сейчас – твой МППСС! Я!

⁴ МППСС – международные правила предупреждения столкновений судов.

Зеленая ракета глухо хлопает и шипя летит по пологой дуге – в хорошую видимость ночью светит она далеко и ярко, а сейчас едва освещает пару метров вокруг себя, но маленький рыболовный траулер угадывается отчетливее.

– Рыбак, – резюмирует старпом.

Траулер просто стоит без огней и хода. Как мертвый.

– Не ржавый какой-то, наш ли? – сомневается минер.

Почти уже без хода, лодка медленно пододвигается левым бортом к суденышку длиной метров тридцать. Старпом хватается за рычаг «Тифона», и тот с готовностью орет во все свое тифонье горло.

– Бля-а-а-а! – орет рулевой, у которого чуть не сдувает шапку. – Предупреждать же надо!

И убирается на свое место, захлопывая форточку. Его, естественно, никто не слышит.

Из рубки «рыбака» выскакивает мужик, почти такой же, как в рекламе леденцов «Фишермансфренд», только в вязанной шапочке вместо фуражки, и в руках у него не то багор, не то гарпун, не то черенок от лопаты.

– Бля-а-а-а-а! – орет рыбак, вращая глазами. – Какова хуя!

Он смотрит вперед: черный резиновый борт, выше его судна, теряется в тумане. Он смотрит назад: черный резиновый борт, выше его судна, теряется в тумане. Он смотрит вверх: примерно на высоте его квартиры (а живет он на четвертом этаже пятиэтажного дома) светит прожектор и оттуда ему весело кричат:

– Ты с гарпуном, что ли? Планируешь акт нападения на военный корабль?

– Вы кто, нахуй, вообще?

– Инопланетяне, епта! Повезло тебе, мужик, – собирайся!

С нами полетишь!

– Да нахуй так пугать-то, а! Я, блядь, чуть не обосрался!

Чего вы ревете-то как потерпевшие!

– Да проверяем, есть ли кто живой! А то мало ли, нашли шлюпку в море, а она – ничья!

– Сами вы шлюпка! Поняли? Не, серьезно, а вы кто вообще?

– Ну подводная лодка же, ну что ты – слепой?

– Подводная лодка? – Рыбак вертит головой. – Да что вы пиздите? Подводные лодки вот такие (рыбак разводит в сторону руки), что я не знаю, что ли? А это что за хуйня? – тычет багром вперед, назад и вверх.

– Да тебе не угодишь, капризулька! Инопланетяне – не веришь, подводная лодка – не веришь! А чего ты стоишь тут, как «Летучий голландец», без огней и хода?

– А куда мне тут идти и кому тут светить?

– Ну нам вот, видишь?

– Да не должно тут никого быть, я смотрел сводки перед выходом!

– И чего там было в сводках?

– Ну что нет тут никого!

– А почему?

– Ну... Военные район закрыли опять!

– Во-о-о-от, видишь как оно, оказывается! Военные район закрыли просто так, ты себе думал, да?

– Ну это же военные, слушайте, вечно они! Сколько раз ходил по закрытым районам, и всегда пусто!

– А сейчас – видал, как густо!

– Дык а вы тут что делаете?

– Родину охраняем, понятное дело!

– От кого? Это же Мотовский залив!

– Хуетовский залив! Вон Цыпнаволок на траверзе – Баренцево море уже, считай!

– Ну дык и что? Оно же тоже тут наше!

– То есть ты, наплевав на запрет военных заходить в район, поперся сюда. А враги, они дисциплинированнее тебя, ты считаешь: нельзя так нельзя, думают они и не плывут туда, куда запрещено? Ну да, в принципе, я с тобой согласен! Таких распиздяев, как вы, – поискать еще!

– Да при чем тут... А-а-а-а-а! – Рыбак кинул куда-то свою палку, достал трубку и закурил.

Рыбацкое суденышко давно уже тукнулось бортом о борт лодки, и они стояли (скорее – висели) бок о бок в тумане, как Слон с маленькой Моськой, которые помирились и решили дружить. Боцманская команда в жилетах, страховочных поясах и с бросательными концами (на всякий случай) толпилась под мостиком и дружно курила, вопросов не задавали – раз вызвали, значит надо. На рыбаке то там, то сям вдоль борта тоже показались какие-то больше похожие на пиратов, чем на моряков, люди и хлопали сонными глазами то на своего капитана, то на борт неизвестного морского чудища.

– Что рыба-то? – спрашивает старпом.

– А что рыба... Плавает где-то.

– У вас-то есть?

– Ай, да что там есть, пару тонн всего.

– Фига, «пару тонн». Может, это... В качестве контрибуции – мешочек какой подгоните?

– А чего вы нас, захватили, что ли?

– Ну можем, да. Но проще пропустить этот акт и сразу перейти к контрибуции!

– Ой, да там, слушай, треска одна да пикша!

– Да ты видел, сколько та треска в магазине стоит?

– Дурак ты. Я на нее смотреть уже не могу, еще в магазин за ней ходить!

– Ну дык что?

– Ну дык давайте мешок, что...

– Боцман, – спрашивает старпом вниз, – мешок дуковский есть с собой?

– Конечно, мы всегда, когда нас будят ночью и вызывают наверх без объяснения причин, берем с собой дуковские мешки. Обязательно.

– Ну так сбегайте быстро. Два возьмите, на всякий случай!

Старпом что-то шепчет минеру, и тот тоже спускается вниз. Наверх поднимается командир.

– О, не спится, тащ командир?

– Да что тут суета какая-то происходит: тем прибыть, тем убыть, то плывем, то стоим... Уснешь тут!

Командир свешивается вниз рядом со старпомом.

– О, так мы добычу захватили? Грабим уже?

– Так это наши рыбаки, тащ командир!

– Которые дерзко нарушают запрет на посещение района? – кричит командир вниз.

– Да вот рыба забывает у вас спрашивать про запреты районов! – не менее дерзко отвечают снизу.

– А могла бы!

– Ага! А ты кто такой?

– А я командир подводной лодки!

– А до того кто был?

– Старпом! Он и сейчас тут. А ты?

– А я – капитан рыболовного траулера!

– Тоже ничего! А принцессы-то у вас есть на борту?

– Какие принцессы?

– Желательно – прекрасные!

– А скока хошь! У нас в кого ни плюнь – все прекрасныя принцессы! Особенно как рыбу надо тралить или порядок наводить!

Боцманская команда внизу уже наладила веревочную грузовую переправу, и сначала на траулер пошли мешки, а потом аккуратно укутанная трехлитровая банка. Банку передали капитану.

– А это что? – показал он наверх на банку. – То, что я думаю?

– Нет, это святая вода из колодца Марии! Прямо из Назарета!

– Так я и думал!

– За рулем не пить! – предупредил командир.

– Ну что вы, что вы! Только попробуем! А пить – нет, не будем!

Два мешка рыбы перекочевали на лодку, следом прибрали концы.

– Ну, отчаливай потихоньку! – махнул командир рукой. – Только в корму мне не иди – в винты засосет еще! Серега, давай, трогай потихоньку.

– Центральный, мостику!

– Есть центральный!

– Левая вперед двадцать, правая вперед десять!

– Есть левая вперед двадцать, правая вперед десять! Работают левая вперед двадцать, правая вперед десять! Прошу разрешения третьей боевой смене завтракать!

– Завтрак третьей боевой смене разрешаю! Обе вперед двадцать!

Коротко рывкнув на прощание рыбаку «Тифоном» (рыбак пискнул в ответ какой-то своей сиренкой), лодка, медленно набирая ход, двинулась дальше в туман – занимать следующий свой полигон.

– А я думал, скучно будет, – уселся на мостике старпом. – А ты гляди, уже и вахта к концу подошла незаметно. Да, мистер?

– И не впустую! Ухи теперь хоть свеженькой навернем на обед!

– А с чего ты взял, что это на всех? Может это я для нас с командиром по мешку выпросил, а?

– Ага. «Не верю», как говаривал, бывало, один мой старый знакомый.

– А вы знакомы со Станиславским?

– Наполовину.

– Это как?

– Ну я с ним – да, а он со мной – нет.

– Боцман, ты опять куришь, что ли? Сколько можно уже травить мой молодой организм пассивным курением? А?

Молчишь? А где бутерброд, который ты от командира нам нес, кстати? Сожрал уже?

– Не, забыл про него. И не вам, а минеру. Где он, блин... А, вот! Помялся немного...

Снизу высунулась на мостик рука, в которой было что-то бесформенное в пакете:

– Держите там!

– С колбасой был, – минер вертит комок в руках, – и сыр вон... по пакету размазан.

– Дай сюда. – Старпом развернул пакет и выбросил его содержимое за борт. – Тебе, владыка морей Посейдон, приношу я эту жертву!

Пакетик старпом убрал в карман.

– Вот у Посейдона-то радости сейчас будет! – острит минер. – Такой лакомый кусочек: и спиртовой батон тебе, и плавленый сыр из банки со штампом семьдесят второго года, и колбаса «Друг человека»! Представляю, какой там пир сейчас закатят на дне морском!

– А я не про бутерброд, может, а про тебя. Бутерброд – так, прикормка, а сейчас мы с боцманом тебя за борт выкинем.

– Мостик, штурману!

– Есть штурман!

– Для своевременного занятия полигона рекомендую курс триста десять и скорость двенадцать узлов.

– Курс триста десять утверждаю, скорость двенадцать отставить, считай на восемь, пока туман не растает!

– А что там с туманом?

– Клубится уже – сейчас осядет.

А туман и правда уже начал оседать. Похандрив, природа, видимо, подумала: ну и ладно, ну и пусть дальше не ждут от меня милостей, а берут их собственными руками. И начала выкатывать на горизонте солнышко, расцвечивать туман поверху заревом, собирать его в тугие комки и топить в море. День обещал быть погожим.

Гроза

Белые сполохи молний полоскали воздух от края до края моря. Грома сначала не было слышно вовсе, но ночь была такой черной, а море таким бесконечным, что видно было далеко, казалось – до самого горизонта и еще чуточку дальше. И вот оно только что черное шумит внизу и чуть светлее – воздух сверху. А потом слева, будто от самой луны (вернее, того места, где она сейчас должна бы висеть) и до каждого гребня волны на много кабельтовых вперед словно яркая серия вспышек огромного фотоаппарата: на миг, потом снова, уже правее, еще – уже прямо по курсу и уходит вправо, совсем пропадая. Но ненадолго. И повторяется снова. И когда повторяется, кажется, что будто даже дышать тяжелее и не только воздух вдыхаешь, но и вот этот свет – сухой и холодный. А потом пришел и гром: сначала тихим недовольным ворчанием издалека, но чем ближе к грозе, тем громче, настойчивее и ниже, пока не начал кататься огромными валунами прямо над головами.

– Прямо ух, да? – сверил свои ощущения вахтенный штурман на мостике.

Говорить не хотелось. Тут такое вокруг, что как ты ни строй из себя героя, а все равно выглядеть будешь не страшнее комарика. И даже без фонарика.

– Ну норм так, – откашлялся старпом, – хотя бывало и

поухтее, конечно.

– Прямо в грозу идем? – крикнул снизу рулевой.

– Прямее не бывает, – подтвердил штурман, – аккурат в самый ее центр!

Молнии уже стали различимы – не сполохами, а ломаными линиями молочного цвета втыкались в море и будто плясали на нем, и не слева-направо, а сразу везде спереди, куда хватало глаз.

– Того бы... – как бы подумал вслух рулевой. – Нырнуть бы, что ли, нет?

Издаലെка уже шумел дождь. По звуку пока еще было непонятно, лил он сплошным потоком или моросил бесконечной мелочью.

– Да что вам нырнуть бы только, а? – Старпом вздохнул. – Как кроты, чесслово, лишь бы в норку забиться.

– А чо такова-та? – не понял рулевой.

– Да ничо! Моряки же мы или где? Давайте же вон как настоящие – девятый вал, все вот это вот! Хлебанем!

– А так игрушечные будем, если нырнем? – не унимался рулевой.

– Тем более и командир добро давал, если что, – поддержал рулевого штурман.

Говорить все время уже не получалось – приходилось делать паузы на гром, потому что за ним не было слышно не то

что слов, но и собственных мыслей. Усилился ветер – задул прямо из грозы холодом и сыростью.

– Угу. Проголосуйте еще, ну. И на вид мне поставьте.

Старпом наклонился к переговорному:

– КП⁵ один-пять, мостику.

– Есть КП один-пять.

– Антоныч, что там с запасом ВВД?

– Молотим изо всех сил. Восемьдесят процентов.

– Сколько компрессоров?

– Два больших и два маленьких.

– А еще два больших запустить можем?

– Если родина прикажет, то да. А так – не очень желатель-

но.

– Часа два до полного запаса?

– Не меньше. А что случилось?

– Ну поднимись на минутку.

– Есть, бегу!

Было уже понятно, что дождь шел сплошным потоком – и слышно и видно, когда молнии. Еще сильнее похолодало.

– Ух ты, ничего себе тут у вас! Красота-то какая! Ребята, – вахтенный инженер-механик закурил, – да вы же как настоящие моряки прямо тут! Не то что мы там, ну! Прошу разрешения закурить!

– Во-о-о-от! – Старпом назидательно поднял палец. – Ви-

⁵ КП – командный пост.

дите! Слушайте старших, всегда вам говорю! Ноют, Антоныч, про погрузиться, трусишки зайки серенькие!

– Ну, при восьмидесяти процентах можно, что. Командирская группа полная. Так что смотрите сами, но я бы – не-е-ет, что вы! Это же ух у вас тут! А у нас там что? Сухо, тепло, светло и уютно: тьфу, а не боевой корабль! А тут-то вон оно: красота и буйство во всей своей силе! Я такое только в телевизоре и видел. А вам везет, да. Не то что нам. Ну так я пошел, ладно, а то как там без меня крейсер, сами понимаете. Да и зябко у вас тут как-то.

– А где мой вахтенный офицер? Не видал там? А то я как послал его отсеки осмотреть, так он уже до Гренландии дошел небось!

– Сейчас взбодрим его, не смейте сомневаться! Как штык будет!

– Антоныч! – крикнул уже в рубочный люк рулевой. – А это не опасно? Гроза же!

– Не ссы! Мы же резиновые!

Пока еще не сильно, но уже заметно и настойчиво начало качать: лодка сначала зарывалась носом в волну, потом медленно взбиралась на нее и ухала снова вниз. Если бы не огромный размер корабля, то было бы уже весело и внутри его.

– А что у вас тут? – Наверх выскочил вахтенный офицер. – Я же уходил – нормально все было!

– А ты еще через два дня вернулся бы, так глядишь и к пирсу уже швартовались бы! Где был-то, а? С ужина пробу снимал?

– Да как? Когда бы? Все отсеки толком обойти не успел, ВИМ⁶ кричит: потеряли вы меня! Так а что мы, погружаться будем?

– Еще один!

– Мы уж как только ни намекали, – вздохнул штурман, – но, видимо, нет! Будем как настоящие моряки!

По ракетной палубе забарабанило шумно и радостно, а потом миг – и накрыло мостик. Штурман что-то проорал, пока вахтенный офицер со старпомом кутались в капюшоны.

– Чего говоришь? – крикнул старпом.

Заряд грома промолчали – было не перекричать.

– Говорю, трюмных бы наших послать, – и штурман ткнул рукой в небо, – ничего себе там у них течь!

Молнии плясали уже вокруг корабля, и тень его, огромная и чернее черного, неровным контуром металась по морю то слева, то справа по борту.

– Красота-то какая, – прошептал рулевой, но железную рукоятку руля на всякий случай отпустил.

– Иди вниз! – крикнул старпом штурману. – Чего ты тут будешь? Толку с тебя, промокнешь только!

Штурман сделал вид, что не услышал. Вода, потоками па-

⁶ ВИМ – вахтенный инженер-механик.

дая с неба, не успевала уходить с мостика и металась, заливаясь в ботинки, а та, что не металась по «рыбинам» мостика, а летела сверху, порывами ветра задувалась под капюшоны, в рукава, в нос и глаза. Но в одном старпом оказался прав – было страшно красиво. Но только ничего не видно.

– Не кочегары мы, не плотники! – проорал снизу рулевой.

Килевая качка ощутимо усилилась. Нос уже не лениво, а довольно резво скакал по волне, и внутри уже почувствовали, но пока еще не сильно: за тазиками никто не побежал, а так – только уютнее уселись в креслицах под мерное покачивание.

Дождь лил не как из ведра, а как из нормальной такой бездонной бочки – голов было не поднять. Старпом, вахтенный офицер и штурман вцепились кто во что мог, чтоб не повыбивать ненароком зубы от качки, и смирились с тем, что все на них: шапки, куртки, перчатки, штаны и ботинки стало мокрым насквозь, и хотя одежда еще держала тепло, но вот-вот их уже начнет и колотить от холода.

– Говорил вам, – крикнул старпом, – давайте под воду! Так нет же, романтики им подавай, мореманы хреновы!

– Да, зря вас не послушались, ага! – согласился штурман. – Зато вон вокруг: девятый вал на девятом валу сидит и девятым валом погоняет – все как мы хотели! Кр-р-р-расота-а-а-а!

– И мать ее! – добавил вахтенный офицер.

Штормило-то на самом деле не то чтобы уж до девярых

валов, но подводная лодка, как ни крути, – не надводный корабль и наверху не совсем блещет грацией в свободном движении. Нет, на спокойной воде-то – да, но при волнении корпус, предназначенный для движения под водой, ведет себя ровно как железная бочка. Видели когда-нибудь железную бочку на волне? Ну вот.

– БИП – мостику! Горизонт и воздух?

– Горизонт и воздух чист!

– Есть, БИП!

– Центральный мостику, записать в вахтенный журнал: видимость ноль, начал подачу туманных сигналов!

– Есть мостик. Записано в вахтенный журнал видимость ноль, начата подача туманных сигналов.

Казалось бы куда, но дождь пошел еще сильнее, и теперь стало понятно, почему чаще говорят, что он идет, а не течет или падает, или еще чего: он именно шел – степенно, основательно, никуда не торопясь. Зато ветер почти затих, и хоть от этого никому не было легче, но все-таки!

– ...до трусов! – долетел обрывок фразы штурмана.

– Кто о чем, слышь, а он все о бабах! – хохотнул старпом.

– Где бабы? – не понял штурман. – Я про свои трусы. Вот именно, говорю, что до них и промок!

– А, ты про свои. Ну, про твои нам не больно-то и интересно.

Гром уже почти не прекращался, и казалось, что раньше

молний возникал, но нет – это еще от прошлых прогрохотать не успел, а новый за ним уже в очереди стоит.

– Как они... ну... на деревянных-то, да? – крикнул старпом штурману. – Представляешь?

– Абсолютно! Абсолютно нет! И без гирокомпаса, без системы навигации, вот как сейчас определить, где мы, если небо от моря не отличить даже, а? А где мы будем через полчаса? А через день?

– Ты меня не пугай!

– Да нет, мы-то определим, а вот они? Ну вот мы викинги, например, да?

– Да! – крикнул вахтенный офицер. – Гребем грабить Нортумбрию!

– А где она, эта самая Нортумбрия, даже толком и не знаем! Только наш ярл был там восемь лет назад, он дорогу помнит! Ебать навигация! Ну, вышли из своих фьордов, налево свернули и хуярим. По ложке оловянной сторону света определяем. По ложке!

– И по ярлу!

– Это непременно! Куда сворачивать, о наш господин? – спросил штурман у старпома.

Старпом важно надул щеки, расправил несуществующие усы и бороду и хмуро посмотрел вокруг.

– Туда! – ткнул он пальцем в горизонт. – Чую, уже нортумбриянским духом пахнет!

– И вот, – продолжил штурман, – гребут, гребут, гребут,

гребут, ярл все чует и чует, последняя коза, или кто там у них, съедена, ложка север показывает, и хуяк – земля, земля! А там индейцы на берегу стоят, и такие: здрасьте, забор покрасьте.

– А викинги, ну то есть мы, говорят: привет, англичашки, а чот вы одеты так странно, карнавал у вас какой? Или нас опять рады видеть?

– А те им – да вы опять грибов объелись, штоле, наркоманы хреновы! Какие в жопу англичашки, если мы индейцы и нас вообще еще не открыли даже? Тьфу на вас!

– Говорите громче, мне не слышно! – крикнул снизу рулевой. – Куда поворачивать-то, я не понял?

А дождь уже уходил на корму – отчаянная гроза, как и любая другая отчаянная вещь в человеческой жизни, оказалась хоть и сильной, но короткой. Только что она походила на конец света, а уже ушла за корму и сполохи молний плясали теперь там, и гром приходил издалека, только не спереди, а сзади. А спереди, если не смотреть назад, только отсветы на море, которое чернее черного и волнуется, но уже меньше и воздух не обжигает белым светом, а сырой и свежий, будто вымытый. Старпом, штурман и вахтенный офицер отжимали шапки, перчатки, шарфы и выливали воду из капюшонов. Рулевой принялся насвистывать: скоро конец вахты и можно, заглотив пару бутербродов, укутаться в колючее одеялко на несколько часов – чем не романтика?

– А хорошо у вас, у подводников! – На следующей вахте в центральном старпом сидел в водолазном свитере и, заполняя вахтенный журнал, непрерывно сморкался.

– А я вам говорил вчера, – подтвердил вахтенный инженер-механик, – только скучно, да?

– Не знаю, не знаю, мне так очень весело сейчас. Штурман!

Из штурманской выглянул вахтенный штурман в водолазном свитере и с носовым платком в руках.

– Время занятия полигона?

– Через сорок две минуты на данном курсе!

– Отлично!

Скрипнула кремальера, и в центральный, следом за бодро проскочившим командиром, заполз вахтенный офицер в водолазном свитере и с носовым платком в руке. Командир стоял сбоку и с интересом наблюдал, как тот кряхтит, постанывает и булькает, а потом даже пожалел его потрепанный вид и сказал: да что ты, что ты, проходи так, я сам переборку задраю. После обернулся, посмотрел на старпома со слезящимися глазами и красным носом, на штурмана с таким же понурым видом и хмыкнул. Уселся в кресло, взял суточный план, посмотрел в него.

– А что у нас тут происходит? День водолазных свитеров объявлен по плану? Карнавал?

– Ну... как бы нет, но вот, – доложил ему старпом, – чот мы приболели.

– Всей сменой?

– Кроме механиков! – доложил вахтенный инженер-механик. – Механики ответственные же и полностью в строю!

– Гад, – резюмировал старпом, – сам же и подзуживал!

– Так а что было-то? Расскажите?

– Гроза! – рассказал старпом.

– И вы...

– Решили вас не будить, тащ командир, дать вам поспать, двое суток вы же почти и нет совсем, и вот мы в надводном, как настоящие моряки, перестояли!

– Молодцы какие! И как оно?

– Что оно?

– Настоящими моряками быть?

– Красиво, тащ командир, аж дух захватывает! Гроза, знаете, такая, как у классиков! Мощь природы во всей ее невыносимой красоте!

– Угу. К доктору ходили?

– Ага. Посмеялся и доктор. Тоже, как механики, не понял нашего отторжения уюта внутри подводной лодки. А зато, знаете, мы же как викинги почти: болтает, шатает, заливает, ни зги не видно, а плывем куда-то! Романтика!

– Как викинги?

– Как они, да. Чуть к индейцам не приплыли! Хорошо, что гроза быстро кончилась!

– Повезло, да.

– Нам?

– Индейцам. Интенданта мне вызовите – сейчас лечить вас будем народными средствами!

– Чаем?

– Я бы шпицрутенами, конечно, но давайте начнем с чая, а там и посмотрим. Викинги, еб вашу мать! Нет, ну нормально – всю смену мне обезглавили, считай!

– Да мы нормально, тащ командир, в строю!

– Как настоящие моряки?

– Как они самые, да! И все нам нипочем! Несмотря на! Жди нас, тучная Нортумбрия!

– Да ладно? Вот до такой прямо степени?

– Я не при делах! – подал голос рулевой. – Они меня заставили!

– А ты чего, – проходя в штурманскую, командир пнул кресло вахтенного БИПа, – без свитера?

– А я, – вахтенный БИПа потянулся, – не настоящий моряк. Я, знаете, с детства понял, что хочу быть подводником. Вот вы в детстве кораблики пускали?

– А ты с кем разговариваешь? – уточнил старпом. – Командир-то в штурманской.

– Ну, с вами, значит, со всеми остальными. Ну так? Пускали?

– Кого?

– Ну, кораблики?

– А то как же у нас детство, по-твоему прошло? Мимо нас, что ли?

– Ну так вот. И я тоже же пускал, но всегда сажал внутрь экипаж. Ну там жучков каких наловлю или, на худой конец, из щепок настрогаю. И заметил, что те, которые сверху, всегда мокрые, а некоторые и вовсе выглядят охувшими, а те, которые в щелку какую забьются, тем все нипочем.

– И что ты?

– И я сначала думал ну как так-то: и моряком мне быть охота, я же с детства сразу на пожарных или там космонавтов не разменивался, я сразу, как родился, так моряком и захотел стать, а вот таким вот мокрым и охувшим быть как-то и не очень охота... А потом узнал про подводные лодки и понял – вот же оно, самое мое. Ты вроде и моряк, но вроде и не всегда охувший.

– Это на подводной-то лодке и не всегда охувший?

– Согласен. Тут я не все предусмотрел, но в детстве эти рассуждения казались мне логичными, поймите! Потом, конечно, амфора моей логики треснула и я узнал, что охувшим можно быть не только от того, что мокрый, и вообще мокрым быть не самое плохое, в отличие от охувшего. Вот поэтому-то я и не в свитере, товарищ командир!

– А? – Командир шел из штурманской обратно. – Ты о чем?

– Ну про свитер водолазный вы спрашивали.

– Я спрашивал?

– Ну да.

– Ну так надень! Что ты как белая ворона или механик. Видишь же, что люксы все в свитерах!

– Так я и не простывал же, тащ командир! Я наверх ни ногой же вчера, что вы! Гроза же!

– А мы всплываем через десять минут, вдруг тебе повезет и опять гроза! Сможешь, так сказать, догнать своих-то!

– А вы откуда знаете, что гроза? – Вахтенному инженер-механику стало обидно, что разговаривают так долго и все без него.

– А я чувствую, я же старый морской волк!

Командир шутил: просто связисты, перед погружением позавчера, прогноз погоды на неделю получили. Но все знали, что он шутит: много самых разнообразных чувств можно чувствовать на подводной лодке, но вот уж погоду наверху – точно нет.

Можно чувствовать, например, усталость, голод, страх, неуверенность, сомнения выключил ли ты, уходя, утюг в квартире, и рассуждать: весь там Заозерск от этого сгорел или только половина его? А достаточно ли еды ты оставил коту? А, нет же кота – ну вот и чудненько, хоть об этом можно не думать. Еще можно чувствовать, например, любовь. Скучать тоже можно, даже тосковать не запрещается, но погоду наверху – вот уж увольте. Хоть бы там даже и Армагеддон, но если ты на глубине более ста метров и, мало того,

подо льдом, то и Армагеддон не сильно будет волновать твои чувства. Впрочем, и вопрос о том, настоящий ты моряк или нет, – тоже.

Колодец

– Кастет, – начал разговор Шура, усаживаясь Косте на колени, – ну что ты там, получил ли свои пайковые?

– Так, Шуруп, не елозь своей костлявой жопой по моим нежным коленкам! Сел и сиди тихонько. Ну получил, да. А что?

– А займи-ка мне, брат, рублей этак пятьсот!

– Так ты же мне не отдашь, зачем ты называешь это словом «займи»?

– Да почему же не отдам, вполне может быть, что и отдам.

– Ну, прошлые-то не отдал.

– Ну а эти отдам! Нет, ну, скорее всего, тоже не отдам, но вдруг возьму – да и отдам!

– Надо подумать. Так ты прямо аргументируешь, что сразу тебе отказать и не получается. А тебе зачем?

– А у матушки день рождения. Хочу ей икры красной послать да шоколада. И вот кто бы мог подумать, но икра с шоколадом у меня есть, а денег на открытку и послать нету.

– Дело серьезное!

– Ну дык. Не подумал же ты, что я прошу у тебя деньги для собственной корысти!

– Да как такое возможно! Что ты потяжелел-то так резко? Э!

– Да это штурман на меня навалился!

– Это не я навалился, – обернулся штурман, – а кунг завернул. На тещин язык забираемся.

О, черт, я же вам мизансцену забыл выстроить! Вот уж беда с нами, начинающими рассказчиками: у нас-то все в голове стройными рядами стоит да руками машет, и оттого мы думаем, что и читатели так же воспринимают окружающий нас мир, а не просто буквы читают.

На дивизию для доставки личного состава домой даже в лучшие ее времена подавали два так называемых, «кунга» (грузовой автомобиль с будкой для людей), и если в них располагаться как положено, то вмещали они тридцать два человека, а куда остальным ста тогда деваться (а им же тоже домой хочется), то никого не волновало. Если «как положено» и набить остальную будку людьми стоя – то сорок пять, а если в два яруса, с посадкой друг другу на колени, то умудрялись утрамбовываться до шестидесяти четырех, и все равно не помещались, но на крышу водители не пускали. И, как ни крути, остальным приходилось идти пешком, но шестьдесят четыре выглядело при этом намного справедливее, чем сорок пять.

– А ты все равно не наваливайся! – принялся поучать штурмана Костик. – Вон, за трюмного хлястик хватайся!

– Да он у него маленький и хлипкий, оторву еще!

Трюмный не слышал, о чем речь, но не огрызнуться не мог и, просунув голову себе в подмышку, выдал:

– Да мой маленький тебе в рот не влезет!

– Видали? – спросил штурман. – Дикий народ, дети казематов, мазуты, ветоши и перегретого пара, а не терпят грубого к себе отношения, изнежившись на наших выях! А вы говорите – за хлястик!

«Тещиным языком» назывался длинный, извилистый участок дороги, который полого шел на подъем, и перегруженные машины зимой преодолевали его натужно, с трудом, едва не валясь в кюветы.

– Мне, понимаешь, и самому этих денег может не хватить, вот что я скажу тебе, Шуруп. Так-то денег мне не жалко, зачем они мне, но надо же свести концы с концами!

– А что у тебя не сводится?

– Ну давай считать.

– Давай.

– Смотри, во-первых, хочу себе шинель новую справить.

– Зачем? Твоя же еще довольно новая, ей всего сколько, лет шесть?

– Э нет, брат, это не моя. Свою я в том году решил просушить на УРМ⁷, когда начхим с него крышку снял и сигареты там сушил, повесил сверху, забыл, вспомнил – дыра. Начхим

⁷ УРМ – устройство регенерации морское.

мне свою запасную тогда выдал, а она не его, а прошлого на-
чхима, а у того откуда взялась, то уже никто не помнит. Она
вон протертая уже вся, нитки на локтях белеют, что стыдно
и позорно, сам понимаешь.

– А получить готовую на складе?

– Если бы на складе даже и были шинели, а не одни пу-
говицы и шнурки, то я тебе Газманов, что ли, в таком позо-
рище ходить? Я нормальную хочу, взрослую, а не модельер-
скую! Сукно у меня есть...

– Обращайся еще, – хмыкнул штурман.

– Не вопрос. А вот за пошив заплатить надо чем-то, кроме
обещаний.

– Логично. На шинель откладываем. Во-вторых?

– Во-вторых, надо в прокат деньги за холодильник отне-
сти.

– Зачем?

– Ну, для разнообразия, хоть сколько-то. Дальше. За квар-
тиру заплатить...

– Что-то много разнообразий за раз – нет?

– ...хотелось бы в этом месяце, но, пожалуй, нет. Олегу
должен, надо бы отдать, но можно и не отдавать, в принципе.

– Не, Олегу надо отдать, у него же жена вот-вот рожать
будет!

– Верно, а я чуть не забыл. Вот, значит, Олегу отдам, по-
лучается, а Владу и Шовкату пока нет. Фуражку мне из Се-
вастополя Петя привез, парадную, надо бы рассчитаться.

– Все нормально, братан, – похлопал Костю по плечу Петя, – мне не горит!

– О, норм, значит остаются деньги на видеомэгнитофон и на обмыть!

– Ну и что там мои пятьсот рублей?

– В видеомэгнитофоне.

– Ну можно же попроще чего взять, правильно?

– Попроще-то у меня есть, хотелось с четырьмя головками!

– Кастет, ну зачем он тебе с четырьмя головками?

– Ну паузу видал как он держит? Даже картинка не дрожит!

– Это уже сибаритство какое-то, нет?

– Могу себе позволить, – офицер я морской или тварь дрожащая?

– Офицер, конечно! А у нас, офицеров, как – сам погибай, а товарищу пятьсот рублей занимай!

– И это верно! Как все сложно в жизни, а!

Грузовик наконец влез на ровную бетонку – последний кусок дороги до поселка. Вон справа остатки рельсов, после них заправка, а там уже и две девятиэтажки на въезде в поселок – улица Кольшкина и первая остановка, напротив гостиницы-кафе-ресторана «Северное сияние».

Друзья вытряхнулись из будки, ощупали пуговицы-хлястики (все ли на месте) и закурили, наблюдая, как заведующая этим самым сиянием, тетя Маша, меняла на крыльце табличку «Горячие обеды!» на «Свежее пиво!», превращая кафе в ресторан.

– Теть Маш! – крикнул Костя. – А пиво-то какое? Кольское?

– Нет, блядь, чешское! Прямо из Будапешта вечерним фатоном прибыло!

– Так Будапешт же в Венгрии!

– Как будто это имеет какое-то значение!

И тетя Маша, запахнув дубленку, хотела удалиться, гордо подняв голову, но, поскользнувшись, чуть не упала, отчего разозлилась, плюнула на крыльцо и громко лязгнула дверью.

– Может по пиву? – предложил Костя.

– Кто приглашает, тот и угощает? – уточнил Шура.

– Ессесно! Кто мы такие, чтоб традиции нарушать?

По причине раннего времени в зале ресторана было пусто, и Шура с Костей успели занять свое любимое место в углу, откуда всех было хорошо видно, а пальма (на самом деле никто не знал, что это за растение или животное, но называли его «пальмой») закрывала столик от взглядов извне, что создавало уют и располагало к неспешным, вдумчивым посиделкам.

– Интересно, – спросил Костя у официантки, – а ты что-нибудь делаешь не жуя жвачку?

– Хочешь проверить? – уточнила официантка.

– Пока нет, я же еще трезв.

– Хам. Что заказывать будете?

– Пиво, пока оно у вас свежее.

– Хм. Ну ладно. Орехов к пиву?

– Так у вас же нет орехов в меню.

– Здравствуйте, а вот же – арахис жареный.

– Шура, как люди живут без образования, ты понимаешь?

– Замечательно, я думаю. Кругом чудеса и арахис – орех.

– Арахис, милочка, – продолжил Костя, – не орех, а бо-

бовая культура.

– Типа гороха или фасоли, – добавил Шура, видя, что официантка плохо понимает. – Ну принеси пачку, ладно, есть-то хочется.

Пиво, конечно, было свежим, но не прямо сейчас, а когда-то.

– Надо же, и здесь врут! Тетя Маша, ну какое же оно свежее, а?

– Что вы орете как потерпевшие? – к столику подошла тетя Маша. – Срок годности не вышел – значит, свежее, а других табличек у меня все равно нет.

– Ну это же натуральный обман!

– Натуральнее не бывает! Как и все у нас! Ладно, никому не говорите, гурманы, сюда за пивом все равно только догоняться приходят, у меня макароны по-флотски с обеда остались, могу разогреть в качестве компенсации.

– Пойдет! Только как же мы флотскую еду и без флотских напитков будем, да, Шуруп?

Шура с готовностью закивал.

– Так что вам, водочки?

– Фи такое предлагать! Коньяку несите!

Коньяк был старый, но в отличие от пива от этого казался только вкуснее и выпился быстро, запустив этим самым вечную дилемму с равновесием закуски и выпивки: по полтарелки макарон еще есть, а вот запивать уже нечем. Пришлось взять еще бутылочку. А потом в ресторан пришел штурман с очередной своей «любовью на веки вечные», предложили рюмку и ему – он категорически отказался («Вы что, не видите, что я с дамой!»), но выпил. Потом еще два раза подходил и в итоге перебрался к ним за столик совсем. Подсела и его дама – пришлось заказать ей шампанского. Но когда его только откупорили, дама сказала: пожалуй, разве что бокальчик. А потом переключилась на коньяк, что довольно логично: для придания себе изысканного и аристократического вида бокала шампанского хватает с избытком, а коньяк-то вкуснее, о чем знает любая дама. Просто не каждая решится в этом признаться вслух.

А потом кончились макароны, но остался коньяк, и пришлось брать закуску: мясную нарезку, заливное («А заливное из языка или из рыбы?» «Ну из какого языка? Война-то давно уже кончилась, откуда языки?»), котлеты «по-киевски», шоколад даме и минералку штурману (он считал почему-то, что, запивая коньяк боржомом, выглядит отчаяннее, чем есть на самом деле – что там в голове у человека было?),

а также всякую мелочь типа салатов, рулетов, яиц-пашот (так назывались варенные вкрутую яйца с каплей майонеза сверху, отчего – не знаю, видимо, для солидности), разогретое сливочное масло в розетках для багетов, но без багетов, потому что багетов тут отродясь и не бывало, так что вот вам просто хлеб и мажьте на него, а то ишь ты – бояре тут выискались.

А потом опять (ну вы уже поняли) кончился коньяк, а закуски осталось почти все, что было. И чуть позже, когда кончился коньяк совсем и уже в ресторане, несли водку, а закуска кончатся перестала: дама как ни старалась, но больше половины съесть не смогла, хотя к ней подсели подруги и тоже помогали.

Ну и раз столько подруг и самих морячков уже шестеро (добавились минер, связист и разведчик), то пришлось, само собой, и танцевать. Вот на танцах-то у Шуры аварийная защита и упала.

А когда Шура проснулся, везде была хмарь и что-то мешало ему встать с кровати. За окном хмарь была вполне понятная – в то время, когда на всей остальной части страны еще осень, здесь уже зима, но пока не всамделишная: солнце еще зачем-то иногда делает серый свет на пару часов в сутки, и от этого хмуро и на улице, и в настроении. Глаза Шуры были лишь слегка приоткрыты – сильно не мог, свет,

даже такой серый, был не рад Шуриным глазам и нещадно на них давил. Квартира была Шурина (и это уже было хорошо) – Шура узнал ее по дизайнерскому (как сказали бы сейчас) светильнику на потолке, сделанному им собственноручно из бутылки какого-то грузинского вина (у Кости светильник был почти такой же, но бутылка другой формы, и донышко обрезано повыше), и квартирная хмарь давно Шуру не удивляла. К так себе обоям он уже привык, так себе коврик на полу вообще не замечал, шторы неизвестного науке цвета, которые колыхались на окне от сквозняков, давно его уже не колыхали, и он даже научился находить некоторый особый уют в этой своей неустроенности быта. «Я же воин, – любил говорить Шура, – седло и колчан со стрелами – вот весь мой уют! А то обрастут стиральными машинами, женами, детьми и котами, а как в море пойти, так плачут, что твои Ярославны: сходи, Шурочка, за нас в море, ты же что, а мы что – видишь же, как оно все у нас?!»

Самым, пожалуй, интересным местом в квартире у Шуры был туалет: он туда вывешивал в рамочках все свои грамоты и поощрения, отчего туалет напоминал махонький такой музей достижений отдельно взятого человека, которые самому этому человеку, по-видимому, мало интересны.

Проведя внутреннее тестирование организма и осмотревшись, Шура понял, что встать ему трудно из-за необычайно тяжелой головы и какого-то груза под одеялом на правой руке. «Я как в колодце», – подумал Шура и тут же удивился,

что это за такие колодцы всплывают у него в памяти вместо того, чтоб всплыть чему-нибудь из вчера.

«Только бы не Кастет, только бы не Кастет!» – прошептал Шура трижды, аккуратно поднял краешек одеяла и облегченно выдохнул: под одеялом на его руке лежал вовсе не Костя, а вполне себе даже девушка. Приподнявшись на локте, Шура определил, что руку отгрызать не придется: даже с расслабленным лицом и губами, расплюснутыми по подушке, девушка была очень даже ничего себе (за что Шура себя вслух похвалил), ее вид не портили даже слюни, стекавшие на подушку, и от нее пахло теплом, что было только в плюс. И да, это была именно та девушка, с которой вчера пришел штурман и которую он называл «дорогой», «любимой», «колодцем души моей» и «незабвенным светом в моей серой до сих пор судьбе». А, так вот откуда колодец всплыл, что ли?

«Ну не повезло штурману, что!» – подумал Шура, аккуратно вытаскивая руку из-под Светы... или... Лены... или... как ее там... Блин, вот это, конечно, косяк: Шура помнил, что с штурманом они точно не дрались, хотя драться вообще собирались, но не нашли с кем, потому что новых лиц в поселке не бывает. А если и бывают, то только в конце лета, но то дети, в смысле – лейтенанты, и о чем там с ними драться? То ли дело раньше раздолье было, когда стройбат иногда появлялся! Помнил также Шура, что музыкантам они заказывали «Отель Калифорния» – шесть раз, «Леди ин рэд» –

восемь раз и «Ванинский порт» – раза четыре. Но вот как зовут девушку – хоть убей было не вспомнить!

Усевшись, Шура понял, что ему срочно нужен кофе, – вот эти вот мысли «лучше бы я умер вчера» никогда Шуру не посещали. Подумаешь, перебрал вчера, жизнь-то все равно прекрасна: сейчас кофейку, потом жирненького супчика, и все, считай, как новый! От чего тут умирать?

Кофе уже начинал булькать во второй раз (а по Шуриному методу довести кофе до состояния почти кипения следовало не менее шести), когда в кухню проникла простыня с девушкой.

– Вкусно пахнет как! На меня-то варишь, Саша?

– Варю, конечно... э... дорогая!

– Забыл как меня звать? Тьфу на тебя, козлина, я в душ.

В дверь постучали, и это был кто-то из своих: чужие обычно звонили и Шура тогда двери не открывал – ничего хорошего от чужих он не ждал, и зачем тогда их впускать?

– Здорова, Шуруп!

– Здорова, Кастет! Что-то ты какой-то серенький, хы!

– На себя посмотри, чучело! Давай кофе наливай! О, зд-расьте! – Это Костя решил было зайти в ванную помыть руки. – Ладно, я на кухне руки помою! Нет, ну могу, в принципе, и здесь! А спинку потереть не надо? А животик? Ну

ладно, ладно, все, я понял.

Пока дошли до середины чашек, пили молча – наслаждались.

– Ты куда с утра пораньше – в ателье? – первым заговорил Шура.

– В какое ателье?

– Ну какое, какое – шинель в котором себе шить будешь.

– Ай, слушай, да нормальная у меня шинель, что мне в ней – по Красной площади гулять?

– Что... вообще все? Да ладно, у штурмана же тоже деньги были!

– Не, ну не совсем все, четыреста рублей осталось. Вот – тебе принес.

– Блин, как так-то? Зашли же только пивка попить!

– Ну как-то так. Да ну, хорошо же посидели, да? А некоторые и не только посидели, я смотрю. – Костя подмигнул Шуре. – А штурман-то вчера, когда я домой его нес, все сокрушался, куда свет очей его пропал, ну не с тобой же она ушла, ты же уже и не мог!

– Еще как мог! – В кухню зашла почти одетая свет очей штурмана. – Где мой кофе?

– Садись вот, сейчас подогрею.

– О, деньги! Мне, что ли? Вы охуели, что ли? А что так мало?

– Да не, у мамы Шурика день рождения, собираем ей на

открытку и посылку.

– Собрали?

– Не-а, сто рублей не хватает.

– А вчера-то, а вчера-то! Только что в форточку не швыряли!

– Можем себе позволить потому что!

– Да кто бы спорил, только не я! Счас, ждать тут, кофе мой не пить!

Девушка вышла в комнату, где-то там покопалась, чем-то там пошуршала и вернулась обратно.

– Вот, держите, – хлопнула она на стол сторублевку, – гусары, бля! Не для вас – для мамы! И чтоб никому не говорили!

– Да что ты... дорогая...

– Таня. Меня зовут Таня, запомни, Саша!

– Ты не обижайся, Таня, я не специально, просто мозг вчера ну вот совсем не работал!

– Зато все остальное работало, – Таня подмигнула Шуре, – думала, своими ногами не уйду от тебя, ирод! Так что мне после такого сто рублей жалко, что ли? Хотя, мальчики, хочу вам сказать, что какие-то странные чувства у меня сейчас: я первый раз в жизни заплатила за секс и мне это даже понравилось! Что, завтраком-то покормите девушку?

– Да прям там заплатила! Сто рублей-то всего! А рассказов-то чуть не на штуку! Омлет будешь?

– А просто яичницу?

– Из яичного порошка? Ну... можешь называть это яичницей, если тебе охота.

– Оспадебожей, говорила мне мама...

– Что говорила?

– Да что только ни говорила – и все в точку! Давай свой омлет!

– Что значит давай? Становись да жарь, женщина!

В дверь позвонили – два раза коротко и раз протяжно. Означало это, что человек считает себя своим, раз звонит каким-то кодом, но ни разу тут еще не был, раз не стучит.

– Никого нет дома! – крикнул Шура.

– Ну дык мне под дверь ссать, что ли? – крикнул в ответ из-за двери штурман. Пришлось впускать.

– Таня! – удивился штурман.

– Ваня! – почти и не удивилась Таня.

– Ну как так-то, Таня! Я же вчера даже жениться на тебе обещал!

– Ну так женись, что сейчас-то мешает? Я и до того не девочкой была. А кроме того, ты обещал жениться и официантке, и тете Маше.

– Тете Маше я всегда обещаю – это традиция такая! Официантке – шутил, а тебе – серьезно. Эх, налейте хоть кофе, раз женитьба сорвалась!

– Слабак! – фыркнула Таня.

– А ты чо пришел-то вообще? – стало неудобно Шуру.

– Да, кстати, чо я пришел-то вообще: а что вчера было-то? И где мои деньги? И как ты у меня телку-то отбил, если я красивше тебя и штурман, а ты – сраный ракетчик?

– Э, что за слова при даме? – возмутилась Таня.

– Ты про «ракетчик»?

– Я про «телку». Я, на секундочку, дама. Будьте уж так добры со всем уважением!

– А разве «телка» – это неуважительно? Ты что, Таня? Это же восхищенно! – Штурман удивленно посмотрел на Шуру с Костей.

Те пожали плечами, мол, да всегда так называем и ни разу не неуважали.

– О, – заметил штурман деньги (и что удивительно – не сразу), – на опохмел скидываемся?

– Бери выше! – Таня активно взбивала яичный порошок, сухое молоко и воду. – у Сашиной мамы день рождения – на подарок ей!

– Ах, вот как далеко у вас уже зашло! – Штурман ревновал, но от колышущейся Таниной груди оторвать взгляда не смог, как ни старался. – Быстрая же нынче молодежь пошла! Что решили дарить?

– Ну, у меня икра есть и шоколад. Вот открытку с ящиком куплю и пошлю.

– Маловато будет! У меня еще вобла есть, зайдем ко мне и возьмем! – скомандовал штурман. – Костя, что у тебя?

– Четыреста рублей!

– Таня?

– Сто рублей! Но это идея – у меня платок есть, с этикеткой еще, ни разу не надевала, зайдем и ко мне! Так, собирайтесь, сутулые, через пять минут оmlет и вперед! Расселись тут, как на совете в Филях!

* * *

«Здравствуй, сыночек! Посылку твою получила прямо накануне дня своего рождения и так обрадовалась, что чуть не забыла открыть! Какой ты у меня умница, мой любимый морячок, что не забываешь свою маму! Спасибо тебе огромное за поздравления и за все-все, что ты мне прислал! Боже – икра! Если б не ты, то только из далекого детства помнила бы я ее вкус, а тут столько банок сразу! А теперь к серьезным вопросам.

Александр. Отчего вы так редко пишете своей матери? Есть у вас совесть или нет совсем уже? И вот это – «о чем мне писать, вокруг все одно и то же и ничего не происходит» – чтоб я больше не слышала! Пиши обо всем: какая там у вас погода, почем булка хлеба и как твое здоровье. О здоровье пиши подробно, начиная с волос и заканчивая ногтями на пальцах ног, а то ишь ты – открытку он матери прислал! Открытку! И чьим это почерком она написана? Он явно женский – ты что, женился без моего благословения? Хоть фотографию пришли. Платок шикарный, кстати, да. Уж и не

знаю, откуда у тебя вдруг появился вкус к таким вещам, но тронута прямо, и это так мило, что ты, обычно такой (прости уж меня) чурбан в чувствах и эмоциях, прислал мамочке платок! Так тобой горжусь и теперь еще больше!

Так, Александр Игоревич, отчего вы купили открытку из уцененных? Да, несмотря на то что вы тщательно все стерли, я по оттискам увидела – почему молчишь и не говоришь, что у тебя нет денег? Мы же с тобой договаривались! Весь в своего отца, ну такой же вот точно носорог! На днях вышлю тебе не очень много, но тут и бабушка передала, и у меня кое-что скопилось, и не смей мне слать их обратно! Я, знаешь, не посмотрю, что ты вымахал. Я, знаешь, мать твоя, могу еще и всыпать!

И Сашенька, ну если у меня день рождения 7 ноября, то открытка с гвоздиками и красным флагом немного не то – я все-таки не Великая Октябрьская революция, хотя мне приятно, что ты придаешь мне такое же значение!

Пьете там со своим дружкой этим, антихристом? Ну, только смотрите же, знайте норму и держите себя в руках! Вы же морские офицеры. Боже, такие красавцы! Как приезжали тот раз – мне соседки до сих пор чуть не кланяются от восторга.

Все, бегу на дежурство, целую, жду развернутого ответа!

Мама

P.S. Видела вчера Верочку, дочку тети Вали, ты знаешь –

вернулась из института, такая невеста выросла, такая красавица и не замужем! Про тебя спрашивала. Или ты правда там женился, не сказав матери? Хочешь, я тебе ее фотографию пришлю? Ты когда в отпуск?

P.P.S. Деньги вышлю послезавтра – не забывай про правильное питание, витамины и береги свое здоровье, не застужайся, не сиди на холодном и не кури! Ты бросил? Ты мне обещал!

Все, что забыла, напишу в следующем, это хочу бросить по дороге.

Целую моего любимого морячка!

Мама».

– Ну что там мама пишет? – Костя трясся в кунге сзади.

– Пишет, что невесту тебе нашла и привет передает!

– А, ну и ей от меня! Фотка-то невестина есть?

– Не, следующий раз вышлет, я даже не сомневаюсь. Если что – штурману ее передадим. Надо же и ему когда-то, правильно? Знаешь что, а шинель-то тебе пошить сколько стоит?

– А что?

– Да рука правая чешется – видать, к деньгам. Не пропивать же их опять, правильно, когда друг твой, как чучело, ходит в трофейной химической шинели?

– Да что ты такое говоришь, будто мы алкаши какие, когда это мы пропивали?

– Мы-то никогда, да... Но рассказывают всякое, знаешь. Штурман! Штурман! Штурмана толкните там кто-нибудь! Слушай, а в колодцы плевать можно? Да в обычные, при чем тут конденсатные – совсем крыша на службе этой поехала? Сам такой!

С тещиноного языка вниз кунг катился намного веселее, вернее так весело, что в конце его (это если смотреть сверху), перед крутым поворотом вправо к Нерпичьей, иногда и на два колеса вставал, вписываясь в вираж. «Ура! – дружно кричали тогда офицеры и мичманы. – Мы все умрем, и не надо будет идти на службу!»

Зима приблизилась еще на шаг, и уже темно было почти всегда, только ночью, когда сверкали звезды или полоскало по небу сияние, становилось веселее, а сейчас, утром, когда звезды уже потухли, а черноту неба никто разгонять и не собирался, Шура смотрел в окно на черное небо, у которого будто не было начала и конца, и вспоминал, как с мамой ездили они на дачу к тете Вале в августе; и сам-то он тогда еще был маленький, только в школу собирался, а Верка и вовсе едва-едва научилась более-менее внятно говорить, и они с ней висели на краю деревенского колодца и смотрели вниз, а там было так же темно, как сейчас тут, в небе, и они гадали, есть ли у того колодца дно и как оно далеко, а если в него упасть, то сколько лететь, пока расшибешься о воду, но расшибешься уж точно, так что и косточек потом не соберут,

потому что видишь, Верка, как долго эхо от нашего разговора возвращается, и какое оно гулкое, и холод оттуда дышит – вот то-то и оно, а плевать в колодец нельзя – там черти живут, и когда в них плюют, они злятся и мстят тебе потом: так делают, что ты никогда не вырастаешь и на всю жизнь остаешься маленьким; а вокруг было так тепло, гомонили где-то куры, и жужжали уже сонные мухи, и мама кричала с порога: «Дети! Где вы? Быстро марш обедать!»

Тоже мне месть, думал теперь Шура, и чего я тогда в колодец не плюнул?

Дело было не в бобине

– Скучно мы что-то плывем, – побарабанил пальцами по столу командир дивизии, и я прямо почувствовал, как прошелся по моему затылку его взгляд. – Да, ребята?

«Ну, хуй его знает, товарищ командир дивизии! Так-то да: медведи на велосипедах с балалайками по отсекам не пляшут, но вот чтоб прямо скучно, то вряд ли!» – можно было бы так ответить ему, если бы он не был контр-адмиралом, на флоте не существовало бы субординации или, например, до этого мы не знали, чем все это обычно заканчивается.

После прошлых раз, когда ему становилось скучно, мы:

- фактически отработывали заклинку кормовых горизонтальных рулей на погружение;
- чуть не утонули от того, что как бы откачивая из уравнительной цистерны, на самом деле принимали в нее;
- всплывали раком, потому что часть клапанов продувания оказалась на ручном управлении;
- почти подняли бунт из-за лепки пельменей вместо сна;
- чудом не остались до сих пор висеть на якоре где-то в Баренцевом море.

И это так, без всяких мелочей, которые досаждали, но

крови не портили. К концу второго месяца плавания – оно да, не так весело, как в самом его начале. Все слабые места уже себя проявили и были вылечены, механизмы и системы работали как часики, с выпученными глазами в рваном РБ по кораблю действительно никто уже не носился, ключей друг у друга не просил и мозговыми штурмами не занимался. Даже к трех-четырёхчасовому режиму сна организм уже привык. Хотя нет, не привык, а скорее смирился и терпел, раз надо. В сауне стали появляться механики, и даже пару случаев было: «О, Вася, так и ты с нами в море пошел, надо же!» Но чтоб прямо кто-то страдал от того, что его не веселят... Ну не знаю, не знаю.

– Меня штурман в штурманскую вызывает! – объявил старпом и скрылся в штурманской.

И когда это они со штурманом успели изучить телепатическую связь?

– Так, – опять побарабанил пальцами комдив, и я внутренне приготовился: барабанил он пальцами прямо у меня за спиной, а кроме нас с ним в центральном остались Антоныч, которого комдив никогда не трогал вообще из чувства глубокого к нему уважения, секретчик на вахтенном журнале, которого не трогал вообще никто, и двое рулевых, которые, проснувшись, немедленно схватились за рукоятки управления рулями, хотя те стояли в автомате и на рукоятки не реагировали.

Ну, думаю, раз у рулевых прокатывает, попробую и я! И

как давай активно на кнопки нажимать...

– Думаю я, Антоныч, что надо расширять техническую грамотность наших офицеров, как ты считаешь?

– Абсолютно правильно, тащ комдив! И углублять тоже! А то с шириной у нас более-менее, а глубины часто не хватает!

– А вот правильно! И начнем мы, пожалуй....

...Нажимаю проверку ламп, проверку закрытого положения арматуры, собираю схему откачки с одного борта через другой – лампочки то красные, то зеленые, то желтые, то горят ровным светом, то мигают. Ну красота же, ну что он – не видит?

– ...а вот с Эдуарда и начнем.

Нет, выходит, что не видит.

– Тэ-э-э-эк. По трюмному дивизиону спрашивать его смысла нет, тут он все знает...

– Хуй там, – шепчет Антоныч, – он киповец и в трюмных делах, как свин в апельсинах!

Делаю Антонычу обиженные глаза – ну в одном окопе же сидим, ну что за подставы-то?

– ...С электричества, что ли, начать?

А вот это вот зря он так – в электричестве корабельном не всякий электрик без описания обойдется, а уж я-то...

– А он электрик же по специальности, – вырывает Анто-

ныч, – тоже, думаю, не завалите!

– Я-то и не завалю?

– Нет, вы-то завалите. Но, в общем, я бы на вашем месте, если позволите, начал бы со средств движения корабля!

О, вот это я понимаю взаимовыручка! Там-то простота, когда разберешься, а я в этом как раз недавно разобрался. Да и одно дело, если бы меня механик по образованию пытаться собирался. А тут – люкс. Если что, навру ему легко и красиво.

– Ну как скажешь, Антоныч! Эдуард! А доложи-ка мне, будь так любезен, устройство ГТЗА, если тебя это, конечно, не затруднит!

– Есть, – отвечаю, – доложить устройство ГТЗА!

Достаю листок и, с трудом сдерживая себя, чтоб не навистывать от облегчения, начинаю чертить принципиальную схему. Черчу секунд пять – как раз первый квадратик успел нарисовать.

– Ну? Чего молчишь?

– Схему рисую!

– Какую схему?

– Какую задано, ту и рисую – ГТЗА!

– Покажь! – Смотрит на мой квадратик. – Да ну! Схему ГТЗА любой школьник нарисует!

Не знаю, как там у них было в школах Витебской области, но у нас, в Минской, я в школе даже и слов-то таких – «ГТ-ЗА» – не знал.

– Давай, брат, конкретику мне! Не надо мне киселя этого по губам разводить! Давай коротко и ясно!

– Главный турбозубчатый агрегат... – начинаю я давать.

– Не-не-не – конкретно давай, без предварительных ласк!

– ...состоит... э... Турбины у нас две!

– Зачо-о-о-от! Шучу, шучу, не бойся, – не зачет еще!

Пройдемся по конкретным цифрам. Так... Что бы у тебя спросить-то... Полегче, для начала. А! Блядь, точно! Сколько лопаток в турбине? Докладывай!

Я, конечно, не турбинист и техническое описание турбины изучал довольно поверхностно, можно даже сказать, что и наискосок, но удивительно, – как я даже порядок цифр не запомнил? Кошусь на Антоныча – Антоныч усиленно не замечает этого.

– Не знаю, тащ контр-адмирал, – честно признаюсь я, потому что пауза затягивается и загибать пальцы, шевеля губами, тоже не вариант – нет у меня столько пальцев.

– Видал! Ха-ха! Первый выстрел и сразу в яблочко! Вот как с вами плавать-то можно, когда вы таких элементарных вещей не знаете, а? Стыдно тебе хоть?

Странно, но чувствую, что нет.

– Так точно, – отвечаю, – стыднее и не бывало!

– Эх и офицерики нынче пошли... Не то что раньше, да, Антоныч?

– Да, тащ адмирал, мельчают калибром. Не то что в наше время!

– Мы-то – да-а-а-а...

– Да-а-а-а... мы-то... это...

– Мы-то устройство... Эх, помнишь? Ползали, грызли, учили, да?

– О-го-го!

– Вот как на них флот оставить? Развалят же все?

– Как пить дать!

– Так. Пойду курить от расстройства. Потом спать, а к утренней вахте доложишь мне, Эдуард! И не надейся – я не забуду! Антоныч – под твою ответственность!

И, довольный, уходит.

– Уф, – из штурманской выглядывает старпом, – пронесло вроде на этот раз, да?

– Да, – подтверждает Антоныч, – но не всех! Эдуарду, вон, прямо ни за что еще одна бессонная ночь прилетела!

– Ну жалко его, да. Но с другой стороны – нам-то не прилетела, правильно? Поэтому чего уж душой кривить: Эдуарду прилетело, значит, так ему и надо! О, видали, как я в рифму.

– Здесь вообще нет рифмы! – бурчу я в ответ.

– Это у тебя нет, а у нормального офицера – раз старпом сказал «в рифму», значит в рифму!

– Антоныч, – спрашиваю, – так что там с лопатками-то этими?

– Ну они есть, это точно, но количество их мне не известно. Звони на пульт.

Звоню на пульт.

– Ой, иди на хуй, – отвечает мне один пульт, а за ним и второй, – еще не хватало, чтоб трюмные лейтенанты пульта ГЭУ подьбывали!

– Что пульта? – уточняет Антоныч.

– Не знают, – говорю.

– Ну звони комдиву-раз, я его только что на завтрак поднял.

Звоню комдиву-раз.

– Доброе, – говорю бодрым голосом, – утро!

– Не знаю, настолько ли оно доброе, это утро, если двадцать три часа, а я в железной банке посреди Северного Ледовитого океана собираюсь завтракать в компании тех же самых хмурых рож. Ну, ты в этом не виноват, и поэтому ладно – чего хотел-то?

– Юрий Владимирович! Сколько лопаток в турбине?

– Надо же, – задумчиво хмыкает Юрий Владимирович, – такой перспективный был лейтенант и в первой же автоном-

ке сошел с ума! Кто бы мог подумать, что такое горе и на наши головы. Это тебе не ко мне, родной, это тебе к доктору же надо.

– Доктор точно не знает, сколько лопаток в турбине!

– Согласен! Мало того, доктор даже, скорее всего, вообще не знает, что такое турбина, сколько их и где они у нас стоят. Но зато у доктора столько разных таблеток есть, что у тебя сразу отпадет охота задавать людям дурацкие вопросы!

– Так это не я, Юрий Владимирович! Это командир дивизии меня пытается! Говорит, что если до утра не расскажу, то высадит меня на ближайшем безлюдном острове!

– Командир дивизии?

– Он самый.

– Ну, с его сроком службы не удивительно, и ему даже доктор уже не поможет.

Антоныч забирает у меня трубку:

– Юра! Seriously, он не шутит! Представляешь? Да! Да, а потом же он и до вас дойдет! Да я понимаю, что ты не знаешь, ну давай приходи, а я механика вызову.

– Повезло тебе, – говорит Антоныч, – Эдуард, что комдив задал тебе вопрос, на который не знает ответа никто. Поэтому ты вроде как и опозорился, но не сильно – могло бы быть и хуже. А тут мы хотя бы все живы останемся! Так что прими эту жертву как должное!

Будто у меня есть выбор, ага, кроме как ходить теперь в роли униженного и оскорбленного на фоне остальных, которых в этот раз не унизили и не оскорбили по чистой случайности. Ну что ж – на каждого Сивку найдется своя Бурка, как говорится в русской народной поговорке. Или не совсем так говорится, но смысл тот же.

Позвонили механику, тот сонный и от этого благодушный пришел в центральный, уселся между нами с Антонычем и долго ерзал, устраиваясь поуютнее. Зевнул.

– Ну? Чего тут у вас? Победила, наконец, Мировая революция? Или так, по пустякам опять беспокоите?

– А тут у нас, Хафизыч, командир дивизии решил расширить горизонты наших знаний!

– Так. Пока не очень страшно звучит...

– Сколько лопаток в турбине?

– Да Антоныч, давай что там с адмиралом, а это – потом.

– Так именно это адмирал и спросил у Эдуарда.

– А что Эдуард?

– Честно сказал, что не знает.

– Ну и отдадим его как жертву адмиралу, а с нас и взятки гладки!

– Так-то бы да, но я, Хафизыч, сомневаюсь, что он одним Эдуардом насытится!

– А ничего, что я тут сажу? – робко уточняю.

– Ничего, ничего, – великодушно разрешает механик, – сиди, ты же на вахте тем более! Так. Ну давайте ждать комдива-раз, я что-то не помню такой цифры, но, вполне возможно, что уже и от старости.

Первый комдив пришел сразу после завтрака прямо в кремовой рубашке. Довольный.

– Ну что, попались, неучи? – смеется.

– Смейся, да, пока он до вас не добрался! – пригрозил Антоныч. – Так сколько лопаток в турбине?

– Не знаю.

– И ты так просто это говоришь? – удивился механик.

– А как мне это говорить? Ну хотите, трагически взмахну руками?

– Нет, хотим, чтобы ты нам сказал, как нам это узнать.

– По недолгой пока, но довольно доброй традиции нашего экипажа если мы чего-то не знаем, а уж тем более в турбине, то давайте позовем...

– Дедушку Мороза? – нашел и я куда вставить свои три копейки.

– Игорь Юрича! – правильно угадал Антоныч.

Игорь Юрич был всего на год старше меня выпуском, но мало того, что служил турбинистом, отличался особым умом, прилежностью и сообразительностью. Впрочем, я вам об этом уже рассказывал.

– Так он же спит сейчас, – попытался я выгородить друга

и соседа по каюте. – Во вторую смену же ему.

– Эдуард. У тебя рот сейчас открывается, будто ты что-то говоришь, а вот что говоришь – непонятно. Видно, опять пустое что-то и не по делу. Давай не трать зря наш кислород, а звони вахтенному седьмого, вызывай наш мозг в центральный пост.

Игорь Юрич пришел хмурый, лохматый, заспанный и недобро на всех посмотрел. А когда вначале я рассказывал, что все уже устроилось и работало, не вызывая особых проблем, я имел в виду все, кроме испарителей, которые находились как раз в заведовании у командиров турбинных групп и варили воду на первый контур и весь остальной экипаж. В теории варили, а на самом деле вели себя как капризные барышни или какие-то древние ревнивые божки, требовавшие неусыпного к себе внимания и ряда ритуалов, без проведения которых отказывались работать напрочь! Я не удивлюсь, если когда-нибудь узнаю, что для того, чтобы они работали, турбинисты мало того что на них молились, но и приносили им жертвы. Даже возможно человеческие, просто это настолько секретно, что об этом никому не рассказывают до сих пор.

– Вызывали?

– Нет, – ответил механик, – не вызывали. Это Эдуард, видимо, пошутил так. Ладно, ладно, шучу. Вызывали. Докладывай, сколько лопаток в турбине?

Игорь недоверчиво посмотрел на механика. Потом на меня, потом на старпома, потом по очереди на двух из трех командиров дивизионов и опять закатил взгляд на механика. Я делал вид, что вовсе тут не при делах, старпом тоже, а командиры дивизионов дружно покивали: да, мол, докладывай немедленно!

– Вы серьезно? – все-таки решил уточнить Игорь и поднял брови так, что даже след от подушки немного разгладился.

– Ну конечно!

– Ябля (Игорь Юрич показал на себя руками) сплюбля (сложил ладонки лодочкой у щеки) в своейбля (показал руками на переборочный люк) каютебля (нарисовал в воздухе квадрат). Отдыхаюблялежабля (повысил голос, но не до крика, из уважения к старшим, а на пару тонов всего)! Мнебля в трибля на вахтублявставатьбля (показал нам свои раскрытые ладони)! Высерьезнобля? Какогобля? Абля?

– Мастер! – похвалил старпом. – Так нас всех отчихвостили и ни разу не выругались! Вот она – интеллигенция в наших кругах! Горжусьбля!

– А можно было? – уточнил Игорь.

– Нет, но мы бы тебе простили бы, если бы да. Переходи к существу вопроса. Тут, понимаешь, честь всей твоей боевой части задета, только на тебя надежда! Докладывай!

– Что докладывать?

– Сколько лопаток в этой турбине.

– Да ебу я? А вы вообще про какие лопатки спрашиваете?

– Ну, в турбине которые!

– Я понял. Так нет, не понял. Понял-то я, что вы слабо себе представляете устройство турбины, будто это какая-то железная палка, утыканная лопатками, и все.

– А что – не так? – делано удивился старпом.

– Так-то так, Сей Саныч, но про какие лопатки и какой части турбины идет речь? Переднего хода? Заднего? Реверсивные? Атэгэшные? И как их считать, исходя из их предназначения? Умножать их между собой? Суммировать? Вычитать друг из друга?

– Бля, горшочек, не вари! Про все! Общее число лопаток нам скажи!

– А чем вас мой ответ «да ебу я» не устроил?

– А нет такого числа. Ты серьезно не знаешь, что ли?

– А кто знает?

– Ну, кто-нибудь, да знает уж наверняка!

– Если я не знаю, то никто не знает, потому что раз я не знаю, значит, этого нет в технической и эксплуатационной документации!

– О, проснулся! – обрадовался механик. – Значит, нет у меня маразма еще! Ладно, иди спи, а мы тут того... документацию потрясем. Короче, Юра, заступай, я в секретку, вы – на чай, а потом здесь собираемся и изучаем документы.

Секретных документов по турбине оказалось шесть фо-

лиантов.

– Берем по одному, а потом передаем их по кругу. Ищем тщательно, но быстро! – скомандовал механик. – Жаль, что всего пять офицеров – было бы шесть, быстрее бы дело пошло.

– Так минер же вон, – махнул я головой в сторону вахтенного офицера второй боевой смены, который пришел стоять в первую по какой-то там своей нужде.

– Точно! – обрадовался механик. – Минер! Сообрази нам кофейку!

Старательно листали, внимательно бегали глазами по цифрам и водили пальцами по схемам, передавали по кругу и снова листали, за этим увлекательным (на самом деле – нет) занятием и не заметили, как подошло время заступать второй боевой смене и в центральный зашел Игорь, уже менее злой, но более торжественный.

– Ну что? Нету?

– Нету.

– А я вам что говорил?

– Говорил, что нету.

– Ну так послушайте умного человека и займитесь делом!

– Да это не мы! Адмирал спрашивает!

– Не хуй делать этому вашему адмиралу, вот что я вам скажу! Как обычно, оказалось, что дело было не в бобине!

– Имеет право! Он же адмирал! Так что делать-то будем? Пошлем радиограмму на завод-изготовитель?

– Ну, – Игорь решил поиздеваться, – я вот что предлагаю: дробь БП, стопорим ход, висим в пучине морской, аки лев в засаде, а я разбираю турбину, кручу ее на ВПУ и считаю лопатки. Дня за два управлюсь!

– Какой лев, Игорь Юрич?

– Понятно, что морской, какой же еще!

– Издеваешься?

– А вы надо мной что давеча делали?

– Все, свободен.

– Дело было не в бобине! Я вам говорю! – И Игорь, довольный, что опять всех уел, удалился.

Помолчали.

– Так давайте ему просто скажем, что нет такой цифры! – предложил второй комдив, который пришел заступать.

– Коля, ну ты совсем, что ли? Как мы скажем адмиралу, что он спрашивает всякую хуйню? – Антоньич с адмиралами общался намного больше Коли и знал, чем обычно заканчивается, когда ты намекаешь адмиралу, что он не прав, но не в том смысле, что лев, а в том, что раз он штурман по образованию, ну так и проверял бы, как штурман прокладки прокладывает.

– Спать-то хочется уже, – задумчиво пробормотал механик. – Так! Мне все ясно, выхода нет и, поэтому будем про-

рубать его сами, своими руками. Принимаю волевое решение! Лопаток в турбине – четыре тысячи двести восемьдесят семь! Цифру заучить и довести до всего личного состава, чтоб все пиздели одинаково! Вопросы? Ну все, тогда я – спать.

Утром адмирал явился довольный. Впрочем, это все равно что написать «когда светит солнце, то светло» – если ты адмирал и на подводной лодке в море, то доволен ты всегда, даже когда делаешь вид, что недоволен. Вы, конечно, можете упрекнуть меня в том, что откуда мне знать точно, если я адмиралом на лодке никогда не бывал, как, впрочем, и без лодки тоже. Но, ребята, представьте: вы, для примера, царь. И в вашем маленьком царстве у вас абсолютная власть. Все слушаются вас охотно, делают вид, что вы самый умный, и возражать не смеют ни в коем случае. А если и делают все равно по-своему, то незаметно, чтоб не ущемлять вашего достоинства. Нет демократии, оппозиции и средств массовой информации вообще – ну чем тут можно быть недовольным? Разве что отсутствием женщин. Но и тут ты точно знаешь, что это, во-первых, временно. А во-вторых, были бы женщины, откуда бы взяться тогда абсолютной власти?

– Товарищ контр-адмирал! – начал было доклад старпом.

– погоди, – отмахнулся от него комдив, – сначала важные вопросы!

Уселся в старпомовское кресло, надел очки, развернул блокнот, прокашлялся:

– Эдуард!

– Я!

– Выполнил ли ты мое приказание?

– Так точно!

– Докладывай!

– Товарищ контр-адмирал, лопаток в турбине ни много ни мало, а четыре тысячи двести восемьдесят семь штук! Доклад окончил!

– Антоныч?

– Так точно, товарищ контр-адмирал! Четыре тысячи двести восемьдесят семь штук!

– А не врешь ли ты мне, выгораживая своего непутевого подопечного?

– Никак нет! У кого хотите можете спросить!

– А и спрошу, а как вы себе думали! Старпом, я тут нужен?

Старпом на секундочку завис. Ну, типа, на кой хрен вообще тут может быть нужен беспокойный контр-адмирал? Но так же адмиралу не скажешь, правильно? Такт и все такое.

– С вами, конечно, спокойнее, но я справлюсь!

– Если что – кричите!

И адмирал, сложив блокнот, очки и ручку в карманы, вышел.

– Предупреди корму! – Антоныч будто и не видит, что я и так уже звоню на пульт.

– Пульт, адмирал к вам пошел, на какой борт – неизвестно!

– Есть, приняли. Ждем.

Вернулся он минут через сорок и прямо сиял от удовольствия.

– Проверил вахту. Замечаний почти нет!

Ну конечно же нет! Они же ждали! Как это у адмиралов происходит, интересно, когда они становятся адмиралами? У них стирают память о сермяжном прошлом или они сами делают вид, что родились – и сразу в адмиралы?

– Про лопатки опросил, все знают! Один, выходит, Эдуард у вас так себе специалист!

– Просто молод еще! – заступается Антоныч. – Дошлифуем!

– Да, – подтверждает адмирал, – молодость в нашем деле фактор отрицательный! Не то что мы с тобой, да, Антоныч? Борозды не испортим!

– Но глубоко и не вспашете! – хихикает старпом.

– Что ты сказал?

– Я говорю, к акустикам пошел. Акустик меня вызывает.

А я молчу сижу. Во-первых, хочется спать. Во-вторых, мне огрызаться еще по сроку службы не положено. А в-третьих, я не могу рассказать адмиралу правду и разозлить его на моих товарищей: ну побуду дураком пару дней – убудет с меня, что ли? А потом он все равно забудет: больно горяч он был, да сильно отходчив и дело свое любил так искренне, что все остальное в его характере отходило на второй план, да так там и оставалось.

Потом про банки в аккумуляторных батареях еще спрашивал и про количество баллонов ВВД⁸, но это – легкотня, это все знают.

А на устройстве двубойной захлопки он успокоился. Оказалось, что он путает ее с байпасным клапаном, но вслух признать этого не хочет, поэтому отстал, обозвав нас дерзкими, малообразованными и плохо воспитанными недолюдьми. Что, в общем, не удивительно потому что очевидно же, что когда мы рождались, то все роддома в наших захолустьях были закрыты и у мамок наших вместо санитарки Люси (родом из деревни, но после медучилища осталась в городе, двое детей, в разводе, имеет виды на зама главврача и для

⁸ ВВД – воздух высокого давления.

этих видов позавчера приобрела югославский «бюсталтер» за полторы своих полочки) роды принимал слесарь второго разряда Колян в цеху сборки дисков сцепления на авторемонтном заводе, а сосать нам вместо сиськи давали гаечные ключи... И что от нас после этого можно ждать?

Но не совсем успокоился, а переключился на боцманов, и те две недели под его чутким руководством изучали семафорную азбуку.

Потому что, ну вы понимаете, как под водой без нее-то?

В чужом порту

«Самая, пожалуй, большая неурядица на подводной лодке – это то, что невозможно посмотреть на все с точки зрения художественной перспективы. И я не о прекрасном сейчас, а о том, что чем дальше расстояние для взгляда, тем обычно прекраснее все выглядит. Возьмем, например, вот мой «Омнибус»: отойти бы от него метров на двадцать, а лучше тридцать – и похож бы он был не на бездушный прибор, а на милого робота-лягушонка. Вот два глаза болотного цвета, вот голова, как положено у роботов, квадратная, зубы вот на челюсти. Правда, нет рта – губы-то где? Но зачем, с другой стороны, роботу рот? Он что в него – есть будет или курить? И шел бы ты на вахту, любуясь своим лягушоночком, а он бы любовался тобой в ответ и подмигивал бы от радости – красота среди бегущих! Правда, «Гринда» эта уродская сбюку мешает, но если спереди столько метров, то и «Гринду» необязательно впритык ставить, можно подальше отнести, да вот хоть и за борт – больно она тут нужна кому-то...»

Кто-то опять протиснулся в штурманскую и толкнул спинку кресла Гриши, потому что за «Омнибусом» не было не то что двадцати метров, а едва бы набрался метр прохода между ним и пирамидой с оружием. Кресло скрипнуло и закачалось на пружинах. Сон подступил еще ближе, ласково поло-

жил свои мохнатые лапки Грише на плечи и тепло задышал в затылок.

«Ходят тут. Что вы тут ходите – идите на мостик. Погода шикардос, видимость до Австралии. Что вы забыли в штурманской? Хорошо хоть БИП не трогают... Сколько там градусов крикнул штурман? Повернем тогда шкалу вот так, вверх чтоб триста шестьдесят было. А, не. Так глаза закатываются. Давай вниз... а... так закрываются. А впрочем, в пизду!» – И Гриша уснул.

И не будь на борту замполита дивизии, никто не заметил бы этого: не больно-то и нужны двое вахтенных на «Омнибусе» при выходе из Северодвинска, когда погода прекрасна, как юная дева, тиха, как она же на экзамене по сопротивлению материалов, и ласкова, как пушистый котенок, а видимость такая, что видны три хобота, торчащие над горизонтом. И один-то вахтенный не нужен. Из этого утверждения неподготовленные люди могут сделать вывод, что на борту нужен замполит дивизии. Но нет, сразу их от этого предостережем: это замполиту дивизии нужно периодически выходить в море, чтоб называться плавающим офицером. И надводный переход из Северодвинска в Нерпичью для этих целей – самое оно.

– Он у вас спит, что ли? – уточнил замполит дивизии в центральном у механика.

– У меня – нет. Я в пятой боевой части служу, а он спит в седьмой, – парировал механик.

– А у вас вахтенный на БИУСе⁹ спит, – не унимался замполит уже на мостике.

– Возмутительно, – равнодушно пробормотал помощник, не отрываясь от бинокля.

Как раз проходили пляж.

– Вахтенный-то на БИУСе у вас! А? Того! – не унимался замполит, подступив к командиру.

– Кого того?

– Спит ведь, подлец!

– Одно слово – млекопитающее! Спит, ест, гадит, размножается – ужас! Вот бы амфибий в подводники набирали!

– Товарищ командир, ну так тревога же. Проход узкости!

– А он где спит?

– Да прямо на боевом посту!

– Ну, все нормально тогда – где положено по тревоге, там и спит!

– Как-то это не похоже на высокую воинскую дисциплину!

– Абсолютно с вами согласен! Это похоже на товарищескую взаимовыручку! Умаялся он, бедный, за прошедшие трое суток, вот и жалеем мы его. Даем, так сказать, слабину в плане воспитания в себе строгости к подчиненным!

– А что случилось? Матчасть чинил?

⁹ БИУС – боевая информационно-управляющая система.

– Нет.

– Дежурства?

– Нет.

– Болел?

– Нет.

– А что тогда?

– Да как бы вам сказать... Повышал престиж морской службы среди гражданского населения и выполнял основную функцию моряка в чужом порту.

– Это что... сокровища искал, что ли? – хихикнул замполит.

– Нет. Он же не замполит. Любил женщин.

– Да ебался он три дня, как конь, – перевел наш корабельный замполит дивизию и, сплюнув за борт, добавил: – Козел.

– Ну что же вы так... грубо, – удивился замполит дивизии.

– От зависти. – Командир повернулся к помощнику. – Верни-ка мне бинокль, пока глаза себе не выдавил! Сам-то он в драмтеатре время проводил, а Гриша, видите, рыбное место нашел без него!

– В драмтеатре? В драмтеатре – это хорошо! – загордился замполит дивизии своим подчиненным. – Офицеру необходимо повышать свой культурный уровень!

– Да, – согласился командир, – а дискотеки для тех, кому за тридцать, особенно этому способствуют!

И охладев к разговору, развернул отобранный у помощника бинокль в сторону пляжа.

– Так он что... вот прямо... все три дня... без перерывов? – уточнил замполит у помощника.

– А вот у него и спросите, я подробностей не знаю! – соврал помощник. – Ну сейчас-то не надо, сейчас правильное подождать, пока у него кровь к мозгу вернется. Боцман! На румбе!

Командир удивленно глянул на помощника: ой, а откуда у нас столько дерзости при живом командире делать вид, что управляешь подводной лодкой? Но помощник стрельнул глазами в сторону замполита и сделал вот так носом: сами, мол, понимаете, не отцепится же, ну выручайте подчиненного, ну что вам жалко, что ли, отец вы наш родной. Потом прыгнул на одно из откидных сидений, сурово глядя вперед по курсу, будто бы проверяя, не соврал ли боцман про показания компаса.

Тупой нос подводной лодки гладил море изнутри – покатые волны набегали на него, но, не в силах добраться до ракетной палубы и смыть с нее бесплатно катающихся чаек, расходились по бортам красивыми и ровными параболами. Показаний градусов, как и ожидалось, написано на море не было, но замполита дивизии вид помощника, сурово смотрящего вдаль, удовлетворил и без этого: хоть был он уже давно капитаном первого ранга и на флоте не первый день, но, видимо, это у них рефлекс вырабатывается – не мешать людям,

которые сурово смотрят вдаль. Потому, как это и есть (наверное), по их мнению, самая настоящая работа по защите рубежей. Сурово смотреть вдаль, когда можно вон смотреть влево, где женщины, дети и собаки машут с пляжа руками вслед уходящему крейсеру.

Выждав день, замполит дивизии отправился искать Гришу, но Гриша, предупрежденный заранее, от замполита прятался. Он ходил на приемы пищи не в свое время, спал в чужой каюте, сауну обходил стороной и двери в рубку не открывал, притворяясь, что его там нет. Так замполит и сошел на берег, не узнав подробностей этой душещипательной истории, – мы-то пошли дальше в море.

Но нам с вами повезло, что не знал этой истории и наш замполит, а наш-то, в отличие от дивизийного, точно знал, где всегда можно найти офицера, и пришел в третью смену на боевой пост и только благодаря ему мы с вами теперь тоже все узнаем.

Так что – пристегните ремни, нам сейчас предстоит промчаться по ухабам пошлого мужского шовинизма!

– Григорий, б! – Зам уселся в кресло бэушного старпома и махнул планшетисту: мол, уйди с линии огня. – Ну-ка, б, повернулся к дяде замполиту и все ему, б, рассказал, б, как на исповеди, только честно!

– Товарищ капитан второго ранга! Ну как? Тут же младшие по званию!

– А в глаз? – уточнил младший по званию, но годящийся Грише в отцы планшетист Николаич и уселся за ПУРО, чтоб слушать удобнее было.

– Давай, б, не зли меня! Я, когда злюсь, то злой, б становлюсь! Трави, б!

– Ай, ну что там травить? Все вышло абсолютно случайно!

– Как и все, б, в твоей жизни, б, начиная с зачатия, б!

– А вот вы знали, что любой акт зачатия является генетической случайностью?

– ...

– Знали? Ну ладно тогда. А что вам рассказать-то?

– Почему ты, б, два дня после выхода, б, ходил с трудом, б, и все время засыпал!

– Устал я...

– Вот об этом, б, и рассказывай!

– Я с вахты сменился во вторник. Ну и, думаю, посплю сейчас. А сам в центральном задержался, вот где вы сейчас сидите, сiju и не помню о чем, но мечтаю. А тут запах сзади, прямо такой, что из грез меня как морковку из грядки выдергивает, и акустик наш Руслан, источник этого шипра, хлоп меня по плечу: а не пойти ли нам, коллега, говорит, за женщинами?

– Падшими, б?

– Нет, ну что вы! Кому интересны падшие женщины? Это же как онанизм: в раннем возрасте ничего еще, а потом приедается. Интереснее женщины самые что ни на есть мораль-

но устойчивые, хорошо воспитанные, нежные и хрупкие! Тут вам и азарт ноздрями трепещет, и неизвестность манит. А с падшими такого не бывает, я бы на падших не пошел...

– Ну-ну...

– В этот раз точно. С вахты же, и спать хотелось. Куда, все еще сомневаюсь – в драмтеатр, Руслан? Нет, говорит, слушай, у меня же тут однокашник служит – он мне все рассказал! Схема четкая, сбоек не дает, так что пятнадцать минут у тебя на подмыться, побриться и рубаху белую накрахмалить! Жду наверху. Ну что делать-то: друга не бросишь же, тем более, сами понимаете, когда запахло легкой музыкой, струящимся шелком и женским теплом! Ну я в каюту, кофейку себе покрепче, пока собираюсь, потом еще кофейку на ход ноги, и идем мы, значит, в ресторан «Волна», оказывается...

– В вагончик, что ли?

– Ну, это с виду он вагончик, а по названию – ресторан. Странное, говорю, Руслан, место, да и рано мы как-то, нет? Да, отвечает, но нет, в этом-то военная хитрость и есть! Заказываем столик на четверых, берем шампанское в качестве визуального ориентира дамам, себе салаты и коньяку. Сидим. Салаты употребляем, коньяком разбавляем, а дело к восемнадцати и мест-то все меньше и меньше! Тут-то я тактическую хитрость и просек. И только я ее просек, две дамы к нам: не позволите ли, господа офицеры, пришвартоваться в вашей гавани, а то все остальные заняты. Отчего же, с превеликим удовольствием! Стульчики отодвигаем, под локоточ-

ки трогаем, но все манерно – ничего такого себе не позволяем, а испрашиваем разрешения угостить их шампанским. Те, конечно же, да. Ну кто из женского пола от шампанского отказывается, тем более, что люди мы приличные...

– С виду...

– ...и подвохов от нас не ожидается. Слово за слово, коньяк вслед шампанскому. Тут танцы как раз подоспели. А мы, ну кто бы мог подумать, танцоры-то хоть куда! Тут-то уже у них без шансов стало, что говорить. Я своей ручку вот так вот пальчиками глажу, спинку вот так вот ладошкой ласкаю, в ушко всякое шепчу про какая погода на улице, что прямо жаль на смертельное задание в море идти, но деваться некуда, раз Родина сказала – идем! Ну кто бы устоял?

– Я бы – легко, б!

– Я не про вас же, товарищ капитан второго ранга, я же про женщин!

– Типа слабый пол они?

– Да пол как пол, какая разница, сильный или слабый? Ласку просто больно уж любят, особенно когда в ушко еще шепчешь. И тут главное что?

– Что?

– Тут главное – плавность движений, вот что я вам скажу! А вижу я, что Руслан-то свою чуть не за задницу уже тискает. А кому это понравится на начальном этапе знакомства, когда еще и стихи не читаны и шея не целована?

– И еще когда Руслан, б!

– И особенно за задницу. Ну вы меня понимаете – это же как в рыбалке: рано дернул – порвал губу. Я ему и так и сяк знаки подаю, но куда там! В итоге что: Руслан едет на корабль просто поев и выпив, а я еду на улицу имени Карла Маркса провожать свою Дульсинею. И там, конечно: «Может быть, чаю?» Ну, конечно же, чаю! Где же я еще чаю-то попью, как не в час ночи на улице Карла, мать его, Маркса? Дальше позвольте без подробностей. Честь дамы все-таки!

– Учить тут меня еще будет, щенок, б! Будто я и сам, б, не знаю, б! У ней-то и завис?

– Ах, если бы все было так просто! Руслан-то на корабль вернулся и вслух мне позавидовал за чаем вечерним! Я на подъеме флага стою, во всех членах неги и расслабленность, в голове сладкий сон в темной и прохладной каютке... Эх, думаю, часиков как до вечера давану сейчас!

– Вот, б! Так вы службу и несете, б!

– Ну какую службу-то на пирсе в чужом городе, ну я вас умоляю, будто сами вот ни разу!

– Поговори мне тут, б!

– Так не надо?

– Давай дальше маслай, б!

– Ну дальше что: флаг подняли, командир с укором всех осмотрел, рукой вот так вот махнул и распустил. Подходит ко мне турбинист Серега и говорит: «Слыхал я, что ты вчера очень удачно сходил в город и знаешь какую-то секретную схему. А кроме того, больно везуч. Я-то вот тоже в город се-

годня собираюсь и настоятельно рекомендую тебе составить компанию своему старшему товарищу в этом мероприятии». Да какой же ты старший, если мы одного года выпуска... Начинаю я лихорадочно соображать, как бы отмазаться: мне-то хорошо уже, мне-то поспать бы да с мостика закат проводить глазами... А он ничего и слушать не хочет: я, мол, нормальный офицер, механический, и оттого старший над тобой при любом раскладе, так как ты есть кто? Ты есть бесполезный пассажир...

– Ой, слушай, б, давай без этих, б, подробностей вашего взаимного перекрестного опыления, б! Давай ближе к сути!

– Поспать мне так и не удалось – гражданские по «Омнибусу» пришли, ходил с ними целый день. Ну вечером что: кофе с элеутерококком, белая рубаша, блестящие ботинки и идем в «Волну». Схема та же, а чего ее менять, раз она работает, правильно? Берем пельменей и водки, маяк из шампанского и шоколада – в центр стола. Серега, говорю, только же ты смотри, не как Руслан вчера – в танцах главное именно танцы, а не предварительные ласки! Не спугни добычу-то напором своим! Он от меня отмахивается: не учи отца, и basta! Ладно-ладно, посмотрим. Сидим, пельмени в себя хороним, водкой удобряем, небрежно ждем и по сторонам даже не смотрим. А вот: тут как тут две интеллигентные дамы, сразу видно – библиотекари или в крайнем случае смотрители в музее. Мест, говорят, нет больше, а у вот два свободно, не помешаем ли мы вам? Боже, ну к чему это все,

вот, казалось бы, ан нет – подыгрываем: ну как же, как же, говорим, такие прекрасные дамы могут помешать нам предаваться нашей предпоходовой меланхолии? Мы же завтра в поход, а когда обратно – неизвестно: там же лед, глубина и враг кругом, сами понимаете, рыскает, а дамы для меланхолии – самое оно, сразу видим, что теряем, и могли бы, но нет – долг трубит в горны и кому – дамы, а кому оберегать их мирный сон, так вот, мы и есть те, кому оберегать. Пока я это все рассказываю, Серега уже по два бокала шампанского в них влил и «Может, водочки?» показывает, шампанским-то душу не обманешь. И все хорошо складывалось, пока танцы не начались. Ну у меня-то и потом хорошо, а у Сереги на рок-н-ролле этом его любимом башня-то и уехала с верного курса: дама-то его и шампанское и водку уже, а он как давай ее вертеть, чуть не над головой, – ну та очки разбила и в туалет травить лишнее из организма убежала. Насилу в чувства ее потом привели, но коню ясно – какой из нее теперь боец сексуального фронта? Даму его без чувств везем домой, Серега – на корабль, а я свою же не брошу – провожаю ее на улицу имени товарища Ломоносова, а сам Сереге завидую – спит же сейчас, гад, без задних ног – и выпил, и поел, и потанцевал, ну что еще нужно для крепкого благодатного сна? Эх, мне бы на его место, а мы уже к подъезду подошли и о чем-то, оказывается, разговариваем, пока я мечтаю, и мало того, что разговариваем, так я уже пообещал на секундочку подняться к Джульетте и помочь ей откупорить бутылку ви-

на, а то она сама не может. Поднялись – чуть к подъему фла-
га успел! Не помню даже, откупорил я ту бутылку вина или
нет. Как сзади был – помню, как снизу – помню, как сверху –
помню, как сбоку – помню, как вот так вот вверх ногами –
помню, а открывал вино или нет – хоть убей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.